

ДЕЛО ТРУДА

ПРОБУЖДЕНИЕ

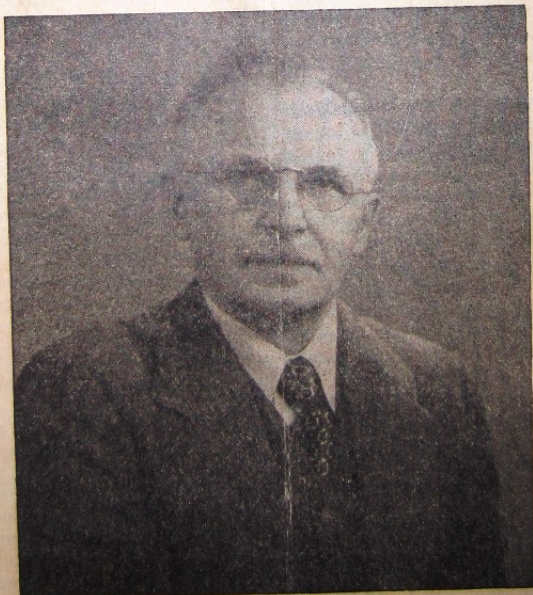
ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ИЮЛЬ-АВГУСТ
1950 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

26-й год
издания

ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ МАКСИМОВ

10 ноября 1893 — 16 марта 1950

“Люди существуют не для того, чтобы убивать друг друга, а для творчества и наслаждения, для широкой, полной, светлой и радостной жизни, основанной на свободе, взаимном уважении и труде каждого для всех и для каждого.” — Г. П. МАКСИМОВ.

ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ МАКСИМОВ

Когда человек достигает библейского возраста, вокруг него становится пусто. Старые друзья и соратники былых дней уходят из жизни один за другим. Целое поколение медленно умирает, и тени становятся длиннее и гуще. Чувствуешь себя, как на прогулке осенью, когда пожелтевшие листья тихо падают с деревьев. Лишь немногие из старой гвардии остались в живых, да и их дни сочтены. Тут осуществляется закон природы, которому мы все подвержены. Мы приходим и уходим с тем, чтобы другие продолжали наш труд, а кто связал свою жизнь с большой работой, тому смерть не должна бы внушать страха.

Многие из моих бывших друзей достигли в свое время высокого возраста. Их имена продолжают жить в нашей памяти, как дружеское напоминание о прошедших временах, которые больше не вернутся. Они честно боролись в великой борьбе за лучшее будущее и за свободного человека. А когда годы свалили их с ног, они умерли с сознанием, что отдали свою полную и богатую жизнь делу, которое жило глубоко в их сердце и давало смысл их жизни.

Тем трагичнее я переживаю сейчас уход из жизни милого друга, который в жизни так близко стоял ко мне и которого только смерть могла вырвать так внезапно в цвете его лет. Г. П. Максимов принадлежал к тем, которым слишком рано умереть. Этот мыслитель с огромными способностями и блестящими чертами характера был выхвачен из жизни в пору его лучших умственных исканий и трудов, когда он только перешагнул свой 56-летний возраст. Г. П. Максимов родился 10 ноября 1893 года в русской деревне Митюшино, Смоленской губ. По окончании первоначальной школы, родители отправили его в Владимирскую семинарию для обучения богословию. Однако он скоро понял, что он не рожден для такой карьеры, и бросил семинарию еще до окончания учения. Он направился в Петербург (ныне Ленинград), где стал учиться в высшем Сельско-Хозяйственном Институте. В 1915 г. он сдал экзамен на агронома.

С революционным движением Максимов познакомился очень рано. Будучи от природы неустанным искателем духовной и социальной правды, он уже в качестве молодого студента стал изучать программы и методы различных революционных партий. Случай

направил в его руки некоторые произведения Кропоткина и Степняка, в которых он нашел подтверждение многих идей, до которых он сам уже по своему додумался. Этот внутренний путь развития получил особый толчок, когда он вскоре открыл в одной частной библиотеке в глухой провинции два произведения Бакунина, которые оказали на него сильное влияние. Из всех анархических мыслителей именно Бакунин больше и глубже всего захватил Максимова. Смелый язык этого великого мятежника и непобедимая сила его аргументов подчинила себе и молодого Максимова, и так на всю жизнь. Он уже в свои студенческие годы чувствовал себя анархистом; и так как человек его характера считает само собой понятным необходимость распространения своих идей, он уже в 1912 г. делал попытки вести пропаганду их среди студентов в Петербурге и крестьян в окрестностях. В 1915 г. мы застаем Максимова в русской армии (хотя он и был противником войны), где он старается вести революционную пропаганду среди солдат.

Когда, наконец, пришла долгожданная революция и был положен конец царскому самовластию, которое веками угнетало русский народ, Максимов оказался в Петербурге, где он сразу принял активное участие в революционных событиях. Он немедленно связался с профессиональными союзами, среди которых он выступал, как оратор, и, спустя короткое время, был избран членом революционного рабочего заводского комитета.

Это была пора больших ожиданий и неограниченных надежд, которая, подобно великой французской революции, могла бы стать поворотным пунктом в социалистическом развитии Европы, если бы не вмешался большевизм, если бы государственный переворот и так называемая **диктатура пролетариата** не сломали крылья революции и не погубили надежд на подлинное освобождение русского народа. В смиренной рубашке тоталитарного государства и государственного-капиталистического хозяйства, которые убивают в корне всякую свободную инициативу и топчут ногами все права человека, не могла расти жизнеспособная страна; там мог родиться только новый деспотизм, под ядовитым дыханием которого должны были вянуть духовная свобода, человеческое до-

Г. П. Максимов—студент

стоинство и всякое стремление к человеческой справедливости.

Правда, новые властители вынуждены были в начале, пока власть их не укрепилась, проявлять осторожность, но после кровавого подавления Кронштадтских матросов, этих подлинных пионеров российской революции, и после т.н. ликвидации всех других социалистических партий, уже не было удержу на этом пути. Сам Максимов был шесть раз арестован при этом новом режиме. В 1919 г. он был в Харькове приговорен к смерти. Причина была та, что, будучи в Красной Армии, он отказывался принять участие в карательных экспедициях, посылаемых для обезоруживания крестьян. Только энергичному вмешательству рабочих профсоюза стали он был обязан спасением своей жизни. Его последний арест произошел 8 марта 1921 г., когда его вместе с другими товарищами посадили в Таганскую тюрьму в Москве, хотя их ни в чем нельзя было обвинить, кроме как в анархических убеждениях. Заключенные начали тогда голодовку, которая затянулась на десять с половиной дней и, вероятно, довела бы их до горького конца, если бы не случилось обстоятельство, приведшее к внезапному изменению их судьбы.

В то время, как раз в Москве, происходил Конгресс Красного Профинтерна, на который явились также некоторое число синдикалистских делегатов из-за границы. Ленин и его сотрудники тогда все еще надеялись привлечь к своему делу анархические рабо-

чие организации в Европе. Когда делегаты-синдикалисты узнали о голодовке их русских товарищей, они заявили немедленно протест и потребовали освобождения заключенных. На самом конгрессе произошли в связи с этим бурные дебаты. В конце концов явилось соглашение между Центр. Комитетом коммунистической партии и иностранными делегатами. Правительство изъявило согласие освободить Максимова и его друзей, но с условием, что они будут высланы в другую страну. Это соглашение было сформулировано в длинном документе, подписанном испанскими делегатами: Орланди и Леваль и французскими анархо-синдикалистами: Сироль и Мишель. За русских товарищей подписался Александр Шапиро, за Ц. К. коммунистической партии — Луначарский. Александр Беркман, который в то время жил в Москве вместе с Эммой Гольдман, должен был тоже подписаться на этом документе, но он отказался потому, что был принципиальным противником высылки.

Это был в действительности очень странный документ. Капиталистические правительства не раз высылали из своих стран "нежелательных иностранцев," но в данном случае речь шла не об иностранцах, а о

С. П. Б. Сельско-Хозяйственные Курсы.

ВХОДНОЙ БИЛЕТЪ.

№ 977
Максимов
Приговорен
Петровски

Годен для входа на весенний семестр 1915 г.

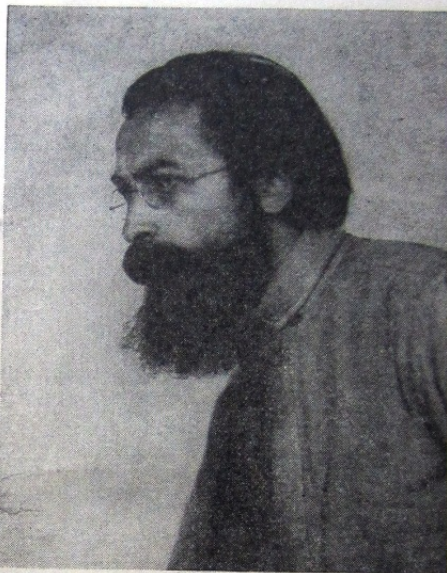
Председатель Комитета

Студенческий билет Максимова

русских гражданах, рожденных в стране. Когда в свое время Бисмарк, в эпоху "социалистического закона," внес в Рейхстаг проект закона, дающего правительству право высылать из страны немецких граждан-социалистов, — этот проект был отклонен на том основании, что никакое цивилизованное государство не имеет морального права изгонять из родной страны рожденных в ней граждан. Но то, что было невозможно в императорской Германии в полосу худшей реакции, не было препятствием для новых правителей в Кремле, которые изгоняли людей из родины только потому, что их воззрения не нравились правительству. **Красное отечество пролетариата** присвоило себе совсем особенную политическую мораль, которая до тех пор была незнакома капиталистическим странам.

Максимов и его товарищи приняли предложение правительства, так как им ничего другого не оставалось делать, ибо если бы они остались в России, они потом несомненно были бы ликвидированы, как многие другие тысячи борцов, которые пали жертвой красного террора. 5-го января 1922 г. Г. П. Максимов, В. М. Волин, Михаил П. Воробьев, Г. А. Горелик, П. Михайлов, Марк Мрачный, А. Фельдман, А. А. Черняков, Иван Юдин и Ефим Ярчук были высланы из России. Правительство дало им фальшивые паспорта, выдавая их за чешских военнопленных, возвращающихся на родину. Из-за этих фальшивых документов эти товарищи пережили много трудностей. Когда после долгого и трудного путешествия их пароход, наконец, пришел в Штетин, высланные товарищи немедленно объявили немецким властям, что они не чехи, а русские, которых выслали из-за их политических убеждений. Дело было не легким, однако чиновники буржуазной республики в Германии проявили больше человеческого понимания, чем носители т.н. пролетарской диктатуры в Москве. Максиму и Мрачному разрешили поехать в Берлин, чтобы сговориться там с их немецкими товарищами; если они проявляют готовность взять на себя ответственность за содержание высланных, не будет никаких препятствий на этом пути.

Когда мы узнали об этих делах, Фриц Катер, стоявший во главе нашего движения, немедленно отправился в центральное полицейское управление в Берлине и от имени Германского Союза Синдикалистов заявил о принятии полной ответственности за новых пришельцев. После этого всем осталь-

Г. П. Максимов по выходе из Таганской тюрьмы в Москве в 1921 г.

ным товарищам в Штетине было разрешено поехать в Берлин. Вместе с их семьями речья о двадцати человеках; немецкие товарищи, хотя и жили тогда в тяжелых материальных условиях, доказали на деле, что солидарность для них не пустое слово.

В Берлине таки я впервые познакомился с Максимовым, его женой Ольгой и остальными товарищами. Ольга тоже имела уже за собой жизнь полную жертв. В 1909 г., будучи почти ребенком, она была присуждена за провоз и распространение запрещенных изданий к восьми годам каторжных работ; благодаря ее молодости, ей заменили этот приговор на пожизненную ссылку в Сибирь. Ее сослали в Канский уезд, Енисейской губернии. Там она оставалась до начала революции 1917 г., когда она приехала в Москву. Она потом работала в анархическом движении в Харькове и на Урале. С Максимовым она познакомилась в 1918 г. в Москве. Нельзя себе представить лучшей пары: оба были как бы созданы друг для друга, живя в полном согласии между собой.

Максимовы оставались около трех лет в Берлине. Германия находилась еще тогда в состоянии революционного брожения. Наше движение было чрезвычайно живым и открывало множество новых перспектив, которые интересовали тоже и иностранных

товарищей. Конечно, жизнь в изгнании не могла заменить Максиму то богатое поле деятельности, которое он имел в России; однако он и Ольга чувствовали себя как дома среди немецких товарищей, о которых они навсегда сохранили добрую память. В конце 1924 г. они отправились в Париж, где пробыли 6-7 месяцев, и потом переселились в Америку.

В 1925 г. он стал в Чикаго редактором журнала **"Голос Труженика,"** в котором он сотрудничал уже с 1923 года. Когда этот журнал потом закрылся, он с 1932 г. перенял редактирование **"Дела Труда,"** а с 1940 г. **"Дела Труда-Пробуждения."** Он как раз закончил текущий номер этого журнала, когда смерть настигла его несколько дней позже. Большое количество его статей бы-

Г. П. и О. Максимовы в Париже в 1925 г.

Жизнь в изгнании тяжела каждому активному человеку даже в самых лучших условиях. Для Максимова это было вдвойне тяжело, так как он был интимно связан со своей родиной и русским народом и только с трудом мог ужитья на чужой земле. Многие годы он жил надеждой, что в России наступит переворот и он сможет вернуться домой. Но и эта мечта развеялась и он должен был признать, что нет осуществления его внутреннему стремлению. Максимов однако был мужественным человеком, с творческими способностями, который, вопреки тяжести обстановки, совершил невероятно много дел. Тем более надо удивляться его работоспособности, что он вынужден был зарабатывать на жизнь, как обойщик, и только в свободные часы он мог посвящать себя умственной работе.

Его писательская деятельность распространялась на следующие издания: в 1918 г. он был со-редактором **"Голоса Труда"** и **"Нового Голоса Труда"** в Москве. В Берлине он был редактором журнала **"Рабочий Путь,"** издававшегося в то время русскими анархо-синдикалистами.

ли также в переводе опубликованы в **"Фрайе Арбайтер Штимме"** и других анархических изданиях.

Помимо своей журнальной деятельности, Максимов проявил себя в качестве оратора и плодотворного писателя. В течение ряда лет он выпустил следующие произведения:

1. **Вместо программы.** Резолюции I и II конференции русских анархо-синдикалистов в Берлине. Это был отчет о дебатах и решениях, автором многих из которых был сам Максимов. (Берлин. 1922. На русском языке.)
2. **Как и почему большевики изгнали анархистов из России.** (Берлин. 1922. По-русски.)
3. **Петр Кропоткин и его учение.** Прекрасный сборник в 350 стр., составленный Максимовым из статей старых друзей Кропоткина, а также многих работ самого Максимова. (Чикаго. 1931. По-русски.)
4. **"Мое Социальное Кредо."** (Чикаго. 1933. По-русски.)
5. **Беседы с Бакуниным о революции.** (Чикаго. 1934. По-русски.)
6. **Большевизм — Обещания и действительность.** Оценка Марксистской диктатуры

над Россией. (Глазго. Англия. 1935. II издание на английском языке появилось в 1937 году.)

7. Гильотина за работой: Двадцать лет тора в России; Даты и документы. (Том в 634 стр. на английском языке, являющийся для не-русских богатым кладом документального материала; вышел в Чикаго в 1940 г. Подготавливается шведское издание книги.)

Последним произведением Максимова, над которым он долго работал, является большая хрестоматия учения и методов Бакунина. Эта книга разделена на четыре части и формулирует отношение Бакунина ко всем духовным и социальным вопросам жизни: религия, наука, государство, общество, индивидуум, семья, собственность, историческое развитие, воспитание, свобода, равенство, переходные ступени, а также к методам экономической и политической борьбы, как профсоюз, кооперативы и борьба за насущный хлеб. Максимов уже давно подготовил русский текст этой книги, а также внимательно проредактировал английский перевод ее, который вскоре появится под названием: "Научный анархизм: Систематическое изложение учения М. А. Бакунина." Он собирался еще предпослать этой книге статью о Бакунине в качестве предисловия, но уже не успел. Только отдельные части и заметки остались от этого предисловия.

Из этого краткого обозрения литературного творчества Максимова становится ясным, что потеряло в нем анархическое движение. Он еще много мог дать, тем более что он принадлежал к числу тех немногих, которые действительно чему-то научились из страшных катастроф недавней истории, и мужественно искали путей и средств для приспособления к заново создавшимся условиям.

Однако этот краткий очерк жизни Максимова был бы неполон, если бы мы сбосили редкие качества его характера. Творческое дарование это—дар природы, которому нельзя ни выучиться, ни обучить других. Но дарование выполняет свою цель только тогда, когда оно сопровождается чистым характером и чувством социальной солидарности. Я провел с нашим покойным другом много приятных и одухотворенных часов, в течение которых я оценил и полюбил внутреннюю чистоту его характера. Он был цельным человеком, у которого ясность мысли счастливо сочеталась с теплотой чувства.

Анархизм был для него не делом будущих времен, а лейт-мотивом его личной жизни, который и проявлял себя во всех его действиях. Он по-человечески понимал и другие убеждения, помимо своих, поскольку он чувствовал, что эти другие люди были воодушевлены честной волей и внутренней верой. Его терпимость к людям была так же велика, как и его товарищеское чувство ко всем, кто приходил в соприкосновение с ним. Он жил, как анархист, не потому, что чувствовал обязанность к этому, но потому, что он иначе не мог, потому что его внутреннее существо побуждало его действовать так, как он чувствовал и мыслил. Он не принадлежал к роду тех жалких глупцов, которые никогда не имели собственных мыслей и не имеют уважения к духовной свободе других, потому что считают себя всегда правыми. Он знал, что никто из нас не владеет абсолютными истинами, но только может честно стремиться и бороться за них. Всякий догматизм всегда начинается там, где мысли замерзают. Максимов был прежде всего человеком, а это значит много в таком ободоленном мире, как наш.

Тяжелый повседневный труд, который он выполнял, вызвал в нем болезнь сердца; однако, как подлинный стоик, он никогда об этом не говорил и, вероятно, сам не знал, насколько он был болен. Когда он 16-го марта возвращался домой с работы, он только успел остановить свою машину. Когда он вышел из нее, он упал, и прибывший немедленно дружеский врач, доктор Яновский, мог только констатировать смерть. Большое сердце перестало биться; большой человек ушел от нас навсегда. 20-го марта его тело было сожжено и пепел был похоронен на старом немецком кладбище Вальдгейм в присутствии его многочисленных друзей. Это то самое кладбище, на котором лежат останки старых немецких борцов 1848 года, где возвышается памятник тех восьми человек, которые 11 ноября 1887 г. принуждены были за свои убеждения умереть или идти в тюрьму, и где также похоронены Вольтерина де Клейр, Нина ван Зандт, Люси Парсонс и Эмма Гольдман.

Друзьям из группы "Фрайе Гезельшафт" в Чикаго и, прежде всего, мужественной подруге жизни Максимова я посылаю выражение моего глубочайшего сочувствия. Один из наших лучших ушел от нас, но он жил не напрасно.

Рудольф Рокер.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ Г. П. МАКСИМОВА

Те светлые идеалы, в которые так глубоко верил наш покойный друг и товарищ Максимов, не были для него предметом отдаленного будущего, как это бывает у многих, а повседневной практикой его жизни с момента его вступления в анархическое движение. То, во что глубоко верил Максимов, он проводил в жизнь, не взирая на все препятствия. Он имел широкие научные познания и мог бы легко пристроиться к более легкой жизни, но он избрал тяжелый путь физического труда — оклейщика обоев, чтобы быть среди трудящихся масс, быть одним из них и отдать все свои познания им и нашему безвластному движению.

Все годы пребывания в Америке т. Максимов тяжело работал и по временам брал "отпуск," чтобы заняться литературными работами или выехать в лекционный тур. Так поступил он и в конце прошлого года: в декабре 1949 г. он взял "отпуск" и принялся за литературную работу.

Будучи в начале марта с. г. во Флориде, я получил от Максимова письмо, в котором он сообщил, что за все это время он проштудировал массу материалов, подготавливая статью для Сборника "Свободное Общество," но смерть прервала эту работу. В четверг, 16 марта, Максимов поехал утром на работу, хотя ему не хотелось идти в этот день физически работать, т.к. рассчитывал, что до понедельника он сможет закончить статью для Сборника. В этот же день я вернулся из Флориды в Чикаго и пытался несколько раз поговорить по телефону с Максимовым. Только в 6 часов вечера на мой новый вызов по телефону ответила его жена, Ольга Максимова, сообщившая, что Максимов пошел на работу. Минут через 20-ть я поехал к Максимовым. Когда я подъехал к дому, в котором жили Максимовы, там была пожарная команда скорой помощи, полиции, амбуланс и большая толпа народа. Увидев все это, я почувствовал, что произошло что-то неладное. Когда я увидел Ольгу через окно и чужих людей в их квартире, я понял, что оно случилось с нашим другом и товарищем Максимовым. Вбежав в дом, я застал на первом этаже у соседей лежащего в последних конвульсиях любимого Г. П. Максимова, который, не приходя в сознание, скончался в 7 часов вечера.

Оказалось, что минут 10-ть после шести вечера Максимов вернулся с работы, вышел

из автомобиля и пытался закрыть дверцу, но не смог это сделать и упал на землю. Это заметил проходивший сосед, который позвал другого соседа, совместно внесли его в их квартиру и вызвали скорую помощь, амбуланс и врача, а затем дали знать Ольге что случилось с Максимовым. Но все старания врача и скорой помощи не могли привести Максимова в чувство: он умер и нашему великому горю не было предела.

При жизни Максимов не верил ни в загробную жизнь, ни в холодные каменные памятники над могилами и критически относился к речам, произносимым на похоронах. Он высказал пожелание, что в случае его смерти — похоронить его без всяких речей, тело предать кремации и останки его праха рассеять. Это пожелание покойного было выполнено.

Похороны Г. П. Максимова были назначены на понедельник, 20 марта. Мы разослали телеграммы о смерти Максимова во многие города Америки, а в Европу авиописьма. В субботу и воскресенье местные и приезжие товарищи собирались в похоронном бюро, где покоилось в гробу тело Максимова; гроб уложен в живых цветах; венки были возложены от групп и отдельных товарищей: от Русской Федерации "ДТП," от еврейской газеты "Свободный Рабочий Голос," от группы "Нью Трендс" и от Самусиных из Нью Йорка; от русских групп Детройта, Чикаго и Канады; от еврейской группы Лос-Анджелеса; от группы "Свободное Общество" Чикаго, от Фонда Беркмана, два венка от итальянских групп, от Федерации Индустриальных Рабочих Мира; три венка от сослуживцев Ольги, венок от соседей Максимовых, венки от их друзей: Абрамса, Пикони, Гудела и многих других. Были получены телеграммы и письма с выражением соболезнования из Нью Йорка, Нью Хэйвена, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона, Детройта, Кливланда, Акрона, Юнгстауна, Лос-Анджелеса, Мохигана...

В понедельник, 20 марта, в 11 часов утра собралось в похоронном бюро свыше 200 товарищей, друзей и знакомых покойного Г. П. Максимова. Абрамс сказал несколько слов и похоронная процессия двинулась на кладбище Валдхейм, где находятся могилы и памятник пяти наших товарищей — чикагских мучеников. Здесь перед сожжением тела Абрамс сказал общее прощание нашему не-

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО МАКСИМОВУ

Когда я в начале апреля получил от нашего старого друга Рокера весть о неожиданной кончине товарища Максимова, я почувствовал боль в сердце: опять ушел навеки один из старых испытанных борцов за свободу. Смерть снимает жестокий урожай в поколении тех, которые родились в прошлом столетии. Все больше редуют ряды той старой гвардии, которая принимала участие в революционных битвах за свободу после первой мировой войны. Наш друг, товарищ Максимов, был один из них.

Это было весной 1920 года в Москве, когда я познакомился с Максимовым и его спутницей жизни Ольгой. Если справедлива поговорка, что "первое впечатление лучшее из всех," то она особенно подходила к моей встрече с Максимовыми. С первого же момента меня потянуло к этому слабому на вид человеку, с его тонкими чертами лица и умными, добрыми глазами, за шлифованными стеклами очков. В его поведении не было ничего резкого и бурного; он казался тихим и молчаливым. Однако я чувствовал, что эта нежная оболочка скрывала революционный темперамент и что пред нами был не словесный радикал, который бросается громкими, но пустыми фразами. Я чувствовал, что не временные эмоции или случайная обстановка, а основательное мышление и устойчивая воля определили его убеждения и действия.

Такие характеры неподкупны. Они упорно держатся за то, что они признали истинной. Ничто не может свести их с того пути, на который они решились стать. Излияния личных чувств им чужды. Материальные блага их не привлекают. Они не боятся сопротивления и готовы, на службе человечеству, приносить жертвы и подвергаться преследованиям. Одни их называют дураками, другие — святыми. Являются ли они теми или другими, зависит от субъективных суждений наблюдателя. Но, объективно говоря, они идеалисты того особенного вида, который был таким частым явлением в до-революционной России. Что Максимов принадлежал к этим по натуре благородным людям, я тогда сразу интуитивно почувствовал, и его поведение в течение целой жизни это подтвердило.

Максимов был одним из основателей группы "Голос Труда," которая после октябрьской революции распространяла идеи анар-

хо-синдикализма среди рабочих и крестьян России. В согласии с этой идеологией, сами рабочие должны на своих фабриках и с помощью своих профсоюзов руководить производством и организовать распределение продуктов на справедливых началах. Русские анархо-синдикалисты отрицали господство государства и одной всемогущей партии над народом. Эти свободнические тенденции находили отклик среди рабочих. Целью революции должны были быть добровольные селско-хозяйственные и промышленные коллективы, а также свободные кооперативы.

Догматические и властнические большевики усмотрели опасность в том доброжелательном отклике, который эта анархическая идея нашла среди трудового населения. После подавления Троцким кронштадского восстания и после введения Лениным политики НЭПа большевики считали момент подходящим для решительного удара против противников в лагере революции. Социалисты-революционеры, анархисты, синдикалисты и меньшевики были брошены в тюрьмы, сосланы в Сибирь или высланы за границу.

Руководящие товарищи анархического и анархо-синдикалистского движения, а среди них и Максимов, были высланы из России. Их первым этапом, как эмигрантов, была Германия. Наша немецкая организация хлопотала у социал-демократических властей Веймарской республики право убежища для этих товарищей. Вначале мы все были оптимистически настроены и наши русские товарищи взялись за дальнейшую пропаганду анархических идей на русском языке.

Максимов, Шапиро, Мрачный и другие стали издавать в Берлине журнал "Рабочий Путь" в качестве органа Российской секции Международной Ассоциации Рабочих. То были трудные, но боевые времена, и мы все были молодыми и отважными людьми. Максиму было не легко. Это был его первый выезд за границу и, так как он слабо владел немецким языком, ему было трудно найти работу в качестве агронома. Однако вопрос о зарплате не был для него самым главным; ведь свое личное существование он ставил на второй план в сравнении с делом свободы России. Он был членом редакции журнала, и его статьи отличались основательностью

содержания и ясностью изложения. Он был одним из теоретиков русского анархо-синдикализма, воззрения которого находили понимание среди немецких товарищей.

Мы часто встречались в редакции нашего журнала "Синдикалист," на Варшауер Штрассе, в Берлине. Я имел при этом возможность наблюдать, что взгляды Максимова на свободу и человечность, на социализм и прогресс опирались на глубокие знания исторического процесса. Внутренней силы его убеждений ничем нельзя было поколебать. Аршинов и Ярчук устали от тяжелой эмигрантской жизни; Максимов был недоступен соблазнам личного характера и политическим влияниям со стороны большевиков. Он остался тем, чем был: убежденным сторонником анархических идей и неутомимой силой нашего международного движения.

В середине 20-ых годов Веймарская республика катилась вниз. Положение русской группы эмигрантов становилось в Германии трудным, а потом совсем невозможным. Ряд товарищей, среди них Максимов, вынуждены были искать нового убежища, прежде всего во Франции. Одновременно ухудшилось положение также в России. Стало невозможным организовать из галле-ницы анархическую пропаганду среди русских рабочих и крестьян. "Рабочий Путь" должен был прекратить свое существование. Все направления русских анархистов в эмиграции объединились для образования фонда помощи для преследуемых в Советской России анархистов и анархо-синдикалистов. Максимов принимал участие в этой работе и одновременно писал на политические и социальные темы, особенно в связи с положением в России. Тем самым он обогащал анархо-синдикалистскую литературу на русском языке.

Для Максимова, который всю свою жизнь оставался связанным с русским движением, и Франция не могла стать надолго подходящей почвой. Большевицские правители сидели прочно в седле, "переходный период" пролетарской диктатуры все больше принимал характер постоянной тирании. Не было больше возможности влиять из Европы на рабочих и крестьян в России в духе анархизма. Сознание этого положения, в связи с его личным положением, побудили Максимова переселиться в Америку.

В Соединенных Штатах Максимов нашел новую страну убежища. Там стало для него возможным продолжать, совместно с его

идейными товарищами, дело помощи преследуемым в России и влиять на русскую эмиграцию в духе анархизма. Он продолжал там путем многочисленных литературных произведений борьбу против большевистского режима.

Жизнь Максимова была бескомпромиссной борьбой против эксплуатации и угнетения; его идеалом было осуществление свободного общественного порядка. Его деятельность может служить примером для новых поколений. О нем можно повторить слова, которые Гедвиг Лахман написала на прощание своему убитому мужу, нашему незабвенному Густаву Ландауэру:

Он не вел счетов, он выбора не знал.
Не думая о мзде, но, веря своей силе,
Следовал он зову, приказу сердца своего.
Не думая о шипах колючих,
Приемля крест судьбы суровой,
Не знал он иного счастья, иного блага,
Как служить мечте своей заветной.

Августин Зуки.

Мексика. Апрель 1950

Светлой Памяти Максимова

Ты жизнь свою отдал за светлый идеал, зовя людей к свободе, но сам ты жил в нужде и невзгоде.

Твой путь был тяжелый и очень тернист, но ты шел, как борец и анархист, со смело поднятой головой и отдал ты все идеи боевой.

Светлая память о тебе навеки запечатлится. Воспрянем же духом в борьбе! Пусть анархизм осуществится.

Иван Беззубый.

На Смерть Г. П. Максимова

Ты умер, товарищ, на посту боевом,
Смело борясь за идеалы свободы.
Ты всю жизнь посвятил этой борьбе,
Перенес всех лишений невзгоды.

Ты отдал себя торжеству тех идей,
Что светоч несут для народа.
Работал упорно по дням и ночам.
Твоим идеалом была — Свобода!

Неутомимый, возвращаясь домой,
Ты умер, сраженный недугом...
Тебя не забудут соратники твои,
Которым ты был товарищем-другом.

ИВА.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Г. П. МАКСИМОВА

“Скорбит душа и с твоей смертью не хочет мириться сердце,” — так закончил покойный т. Максимов свою статью, посвященную светлой памяти и трагической кончине Марии Исидоровны Гольдсмит. Эти слова вполне применимы и к его собственной преждевременной смерти.

Люди совершенно беспомощны и бессильны перед лицом смерти. Однако дух человеческий в данном случае творит чудеса. Все существующее осуждено на смерть и уничтожение, но силой духа человек, вернее, человечество победило, отменило смерть и физическое уничтожение. По словам Мишлэ, одного из величайших французских историков, “история это — воскресение из мертвых.” Не только народы, страны, целые культуры и цивилизации, давно уже стертые с лица земли, оживают под пером одаренных писателей-историков, но и поражающее нас, как величием их творений, так и глубиной их падения, трагизмом их распада. Так же отдельные крупные личности, творцы слова и дела, не подвержены смерти и тлению, если уцелает то, что в них вечно, нетленно и общечеловечно. Итак, в наших руках лежит величайшее из чудес — способность преодолеть смерть и полное исчезновение дорогих и близких нам людей. И средство к этому одно — сохранить для будущего все то, что может пролить свет на мысли, учения и чаяния дорогих, ушедших от нас в вечность.

За свою сравнительно короткую жизнь Григорий Петрович создал много, количественно и качественно, как писатель, автор статей и книг и редактор очень ценных и веских трудов и журналов. Все же, из личных бесед с тов. Максимовым, в связи с некоторыми темами, поднятыми сотрудниками редактируемого мною еврейского свободного журнала “Фрайе Арбейтер Штимме,” нам, к счастью, стало известно то или иное в ходе мыслей Григория Петровича, что поныне еще, вероятно, в печать не попало. Эти рассуждения и выводы незабвенного товарища должны быть зафиксированы черно-на-бело, ибо каждая добавочная черта его интеллектуального облика, еще не ставшая известной его почитателям и будущему читателю, сильнее утвердит в нашем

сознании мысль, что в духовном, т.е. в истинно человеческом смысле, он не умер, а все еще живет.

Из двух-трех тем, глубже затронутых нами при встречах и обмене письмами с Григорием Петровичем, ясно выделяется в моей памяти (да и сохранился еще соответствующий письменный набросок его мыслей, присланный мне для перевода на еврейский язык—идиш) очерк о ревизии либертаризма. Эта проблема, вполне актуального характера, за последние годы часто обсуждалась в разных странах и на разных языках.

Товарищ Максимов был убежден, что в трудном, чрезвычайно важном и ответственном деле ревизии философии и тактики либертаризма, т.е. безгосударственного социализма, как он формулирован и обоснован Бакуниным и Кропоткиным, мы имеем дело в большинстве случаев с умственными дальтонизмами. Под словом “дальтонизм” Григорий Петрович понимал ошибку, подобно Дальтону, принимавшему черный цвет за красный. Так и тот, кто, ревизуя в сущности авторитаризм, говорит о ревизии либертаризма, вносит страшную путаницу в движение. Этим самым он затрудняет его развитие, искренне думая, что содействует его ясности и ускорит его прогресс.

Критики или ревизионисты либертаризма считают его, как продукт XIX века, “устарелым,” так как, по их мнению, концепции, сформулированные в 19-м веке, не могут функционировать в 20-м столетии. Из этого вывода, говорит т. Максимов, вытекает другой вывод — решение: если либертаризм, благодаря своей старости, не может функционировать в 20-м веке, — то его надо омолодить.

“На это рассуждение, — пишет Г. П. Максимов в своей вышеупомянутой статье “Либертаризм и классовый подход,” еще и поныне не опубликованной, — мы должны возразить, что древность какой бы то ни было идеи, независимо от ее распространенности, еще не говорит ни в пользу ее правоты и силы, ни за ее ошибочность и бессилие. Человечество имеет много седых от древности идей, правильных и ложных, которые до сих пор живут и действуют. Например, идея власти, идея бога — ошибочные идеи, идеи

справедливости и свободы — правильные идеи. Следовательно, возраст концепции не всегда означает ее импотенцию."

А между тем, по словам ревизионистов-дальтонистов, возражавших Максимова, дело обстоит как раз так, что **старость** безвластных учений, хотя и не глубокая, означает их бессилие. (Кстати, т. Максимов считал, что либертаризм еще очень молод и обладает замечательно здоровыми железами.) Вот почему (из-за старческого бессилия) эти ревизионисты хотели бы вырезать у анархизма (либертаризма) строго экономического и политический подход к социальным проблемам и заместить его "большим вниманием к человеческой личности." В ответ им слышится однако такое возражение со стороны т. Максимова: "О чем идет речь? О либертаризме или авторитаризме? О безгосударственности или о государственном социализме?"

Основной характеристикой теорий анархизма и анархо-социализма у т. Максимова является его убеждение, что свободный социализм, или либертаризм, содержит в себе именно то, что наши критики-ревизионисты хотели бы вырезать: он содержит внимание к человеческой личности. Мы опять процитируем т. Максимова полностью, ибо его толкование этого основного вопроса весьма широко и вполне своевременно еще и теперь:

"Интересы человеческой личности — альфа и омега либертаризма. В человеческом обществе имеется много проблем и, в зависимости от их характера, различается и подход к ним. Эти подходы могут быть и строго психологическими, и строго социалистическими, или комбинированными, но всегда научными — индуктивно-дедуктивными. Но при решении какой бы то ни было проблемы, как бы либертаризм к ней ни подходил, он всегда имеет исходным и конечным пунктом интересы человеческой личности во всем разнообразии. Когда он говорит об образовании, — он говорит о свободном интегральном образовании; когда он говорит о коммунизме, — он говорит о свободном коммунизме и требует не экономии, а, если хотите, расточительности, чтобы удовлетворить индивидуальные вкусы, привычки, наклонности и требует, чтобы человек давал обществу по силам и способностям и получал от него по потребностям. То же самое он делает и во всех других областях. Так в чем же дело? Зачем нужно ломиться в открытую дверь? Причина этому одна — умственный дальтонизм.

"Дальтон купил красные чулки, будучи уверен, что они черные; а наши ревизионисты критикуют авторитарный социализм, будучи уверены, что критикуют либертаризм. Они критикуют книги чужой фирмы, будучи уверены в противном; оперируют либертаризм на основании диагноза над авторитаризмом.

"Дальтонизм и хирургия очень опасная вещь, не менее опасен он и в ревизионизме. Многие

ревизионисты нуждаются в исправлении умственного зрения. Его исправить очень легко. Рецепт: изучать предмет, о котором пишут."

Второй случай дальтонизма у наших критиков, как это было так удачно подмечено т. Максимовым, это их желание вырезать из либертаризма классовую борьбу и, следовательно, классовый подход, и заменить эту "устаревшую и плохо работающую железу" более работоспособной, новой: бесклассовостью, общечеловечностью.

Прочитируем опять т. Максимова:

"Либертаризм, утверждают наши критики, должен звать ко всем людям, невзирая на их социальное положение, просто как людям: к 'шеркроперу' и к эксплуатирующему его земельному магнату, к безработному и к Диопону, который считает, что человек, не желающий работать за десять долларов в неделю, не имеет права препятствовать работать за эту плату другому, а если он это делает, он нарушает священное право 'свободы личности' и должен быть наказан государством; к папе римскому, все еще торгующему 'слезой богородицы,' 'молоком богоматери,' 'воздьями, которыми был прибит к кресту Иисус, кусочками дерева от этого креста и прочим в таком же роде; к японскому микадо, считающему себя олицетворением божества; к Гитлеру и к замученному им еврею; к Сталину и к умирающему в его ссылке и тюрьмах политическим заключенным. Одним словом, к угнетенным и угнетателям, к эксплуатируемым и к эксплуататорам, к палачам и жертвам нужно звать, как к людям, жечь глаголом их сердца, пробуждать в них чувства добрые, человеческие, жажду к истине и справедливости."

Все это Г. Максимов предлагает делать религиям и не конкурировать с ними и говорит, что на заре социализма этим делом занимались его отцы: Сен-Симон (1760-1825) и Фурье (1772-1837). Фурье всю жизнь ждал, что вот придет к нему богачи и отдадут все свои богатства на устройство фаланстеров: не пришли они тогда, не приходят теперь и не придут в будущем. Социализм Фурье и Сен-Симона скоро выродился в религиозно-мистические секты. Социализм ожил, когда он начал звать к пролетариату, эксплуатируемому, к угнетенному, не отгоняя от себя и лиц из эксплуатирующего класса, порвавших связи с этим классом. Либертаризм обращается, конечно, и к другим классам, как, например, Кропоткинский "Призыв к молодежи," но он не считает и не может считать это дело основным.

Итак, устраняя классовый подход, классовую концепцию, как концепцию XIX столетия, которая будто бы отжила свой век в этом столетии, наши критики-ревизионисты замещают, по мнению т. Максимова, ее еще более старой концепцией так называемого "утопического социализма" начала 19-го

РАБОТА С Г. П. МАКСИМОВЫМ

Те, которые знали нашего покойного товарища Максимова и его деятельность по распространению наших идей в России и в других европейских странах, его вклад для наших теоретических и практических проблем, его работу по консолидации анархо-синдикалистического движения в России и всемирного либертарного движения вообще, могут лучше меня описать эту фазу его жизни, поэтому я ограничусь воспоминаниями об его деятельности в Америке.

Максимову не нравилось, когда инородные товарищи интересовались исключительно делами своей родины, игнорируя тот факт, что они живут в Америке и мало обращают внимания на запросы нашего движения здесь. Когда я впервые встретил Максимова, он мало знал английский язык, но он твердо решил освоить его, чтобы принимать более активное участие в местном движении; спустя несколько лет он мог выступать с публичными лекциями на ясном английском языке.

Максимов скоро понял, что американское анархическое движение не только малочисленно, но, что еще хуже, крайне бессвязно и сбивчиво. Оно заключено в узкие рамки полу-утопических иллюзий, отдаленных от повседневной жизни рабочих и их проблем. Оно представляет замкнутый кружок, взаимно дебатирующей и самохвалящей братии, на подобие масонских лож. Американская либертарная пресса приносила больше вреда, чем пользы. Статьи были переплетены искажениями и неточностями, производя впечатление, что анархическое движение и идеи сострепаны кучкой доброжелательных,

столетия. Это, говорит т. Максимов, второй случай умственного дальтонизма: старое принимается за новое, больное за здоровое. Нужно корректировать умственное зрение, это очень легко сделать: изучить историю социализма. Когда объект ревизии и его история будут изучены, тогда, — заключает т. Максимов, — ревизия будет ревизией, а не кастрацией.

Таков был ход мыслей, который нам кажется очень показательным и характерным для социального мировоззрения покойного т. Максимова.

Герман Франк, редактор
"Фрейе Арбайтер Штимме."

Нью Йорк, май 1950 г.

но беспомощных людей, писавших в высокопарном педантическом стиле, понятном только для малого числа "интеллектуальцев." Нововступающие американцы поняли, что есть что-то в корне ошибочное, что не дает развить сильное, активное движение. Будущие молодцы и в расценивании, они очень нуждались в руководстве. Я был один из первых, встретивших Максимова в Чикаго, где он работал помощником обойщика, и познакомился с ним на конференции среднеевропейских анархических групп. Как член группы "Свободное Общество," я написал манифест и с юношеским пылом требовал принятия его конференцией. Обратившись к т. Еленскому и другим, они посоветовали мне узнать мнение Максимова.

При помощи переводчика т. Максимов расценил мой манифест, ясно указав, сколько мне надо было еще поучиться, изучить анархизм и его проблемы. В продолжение многих лет он помогал создать более значительное американское либертарное движение. Это была громадная работа: он сотрудничал в анархо-коммунистическом журнале "Вангард," написав для него ряд статей; он часто выступал в интимных кружках молодежи, разъяснял теоретические основы анархизма и наставлял нас на путь большей активности. Он редактировал русский журнал И. Р. М. "Голос Труженика" и призывал нас принимать в этой организации больше участия, чтобы она оставалась свободнической в своей ориентации.

Во время его визитов в Нью Йорк, куда я переехал, мы часто встречались. Опять мы обсуждали наши задания. Несмотря на ограниченное время, он всегда приходил побеседовать с товарищами. Однажды в холодный зимний вечер, десяток друзей должны были собраться у меня для собеседования, но никто из них не появился, кроме Максимова. Когда я хотел выразить мое огорчение по этому поводу, он ответил, что он охотно будет говорить в присутствии одного или тысячи, лишь бы был проявлен серьезный интерес. Он прочитал свой доклад нам двоим, мне и моей жене.

Я не могу описать все случаи, которые вспоминаю, когда я пишу эти строки. Словами нельзя выразить тот глубокий личный интерес, который проявлял Максимов по отношению благосостояния и продвижения всех молодых товарищей, как невозможно описать идеализм, который он изучал, и его простоту и благодушность.

Когда в последний раз Максимов приехал

в Нью Йорк в сопровождении прекрасного товарища Ольги (я не видел его с 1937 г.), то при встрече я заметил, что он выглядит бледным и уставшим, сильно постаревшим. Ясно было, что он очень больной человек. Он даже намекал, что, повидимому, это его последний визит. Тем не менее его дни были заполнены деятельностью и осмотром города. Он прочел несколько лекций на русском и на английском языках. Чтобы говорить на собрании в доме одного молодого товарища, он поднялся по ступенькам на шестой этаж. Ему было тяжело, он останавливался на пролетах передохнуть и принять пилюльку, чтобы убить сильную боль, — все же он смог говорить о надежде на лучшее будущее этих молодых людей. По его предложению был создан Либертарный Книжный Клуб, который будет издавать и распространять свободнические книги и памфлеты на английском языке. Этот Клуб издает его книгу о Бакунине. Эта книга и "Гильютина за работой," которая была издана в 1940 г., а также его статьи и памфлеты явятся большим вкладом в американскую либертарную литературу.

Максимов страстно не любил цветистые восхваления, которые не были ему по душе.

Я потерял дорогого друга и учителя, товарищ Ольга верного друга, а наше движение одного из своих мыслителей и борца за свободу человека. Нас мало и его утрата нами остро ощущается. Поэтому выкажем его памяти наше глубокое уважение, тем, что будем продолжать наше дело, для которого Максимов так много пожертвовал.

Сэм Винер.

БОРЦЫ ЗА СВОБОДУ

Несмотря на отсутствие личного знакомства с Г. П. Максимовым, из его писаний и других литературных источников у меня составилось довольно полное представление об этом поистине идейном человеке. Всякий раз, когда мысль моя останавливается на деятельности Максимова в освободительном движении, я вижу его в рядах тех, кто "отдавали все, что могли" и получали взамен лишь духовное удовлетворение.

В этом ряду много известных имен: Бакунин, Кропоткин, Герцен, Кравчинский, Каляев, Сазонов, Спиридонова, Балмашев, народолюбцы и декабристы и много других имен разных эпох и народов—людей разных по глубине мысли, по методам борьбы за идею,

но буруемых одинаковыми чувствами и непреодолимым желанием блага и счастья для всех людей на земле: общего блага и общего счастья. Отличие этого рода людей от остального мира выражалось в том, что, борясь за эти общие благо и счастье, они отдавались этой борьбе полностью, беззаветно, вплоть до жизни своей.

А так как всякое общественное движение, в том числе и освободительное, в массе своей представлено по преимуществу людьми, ожидающими получить что-то, ожидающими конкретно полезных достижений, как следствие своих усилий и напряженной борьбы, и так как ожидание это не всегда, а очень часто не оправдывалось и, поэтому, приводило к разочарованию как раз тех, кто ожидал получить что-то и не получил ничего, то, как правило, в такие критические моменты для освободительного движения на боевом посту оставались только они, т.е. те, кои для себя лично не ждали ничего и отдавали себя служению идее бескорыстно; те, для которых голод о правде-истине и о правде-справедливости, голод о свободе ощущался столь же остро и сильно, если не сильнее, как у человека, истощенного недоеданием, ощущается голод о пище, о хлебе насущном...

Путь таких людей известен: это тернистый путь гонений, заточений, изгнаний, непосильного труда и часто — насильственной, мученической смерти. Этот крестный путь прошел и Максимов: от царских преследований, большевистских тюрем и изгнания, сквозь будни тяжелого физического труда и до преждевременной кончины на славном посту редактора идейного журнала...

Смерть Максимова — тяжелая утрата, особенно чувствительная теперь, когда так ощущается настоячивая потребность в живом, неподкупном, правдивом слове! Без него скромный и небольшой круг людей безвластных убеждений и принципов становится меньше и беднее...

Пусть же память о нем живет вечно... И да вдохновятся примером жизни его идущие ему на смену. Пусть так же, как и он, громко и смело ширят они думы и мысли о беконечно растущей свободе, о человеке, как о самоцели, и об идее, которая кажется несбыточной, но которая так возможна, если ее захотеть! О самой высокой и нравственной идее, раскрепощающей дух и тело человека, идее безвластия...

В. Б.

ЧЕЛОВЕК-РЕВОЛЮЦИОНЕР

(Памяти Г. П. Максимова)

Какая блестящая и в то же время трагическая судьба постигла русский анархизм! Среди учителей анархического мировоззрения занимали такое большое и влиятельное место Бакунин, Толстой, Кропоткин. Их учение вытекало из своеобразной, исторически данной среды, в которой жили, трудились, страдали и боролись миллионы русского народа.

Русскому трудовому человеку чужда была привязанность к государству по многим причинам религиозного, нравственного, социального характера. В неустанной нужде, в постоянной борьбе с помещиком, урядником, баринком русский труженик не имел ни времени, ни охоты подчиняться гипнозу государственного патриотизма и военщины. Стремясь к Правде, большой и всеохватывающей правде, он судьбой был подготовлен прислушиваться к зову таких людей, как Бакунин и Кропоткин.

А все таки судьба повернулась спиной к этим народным чаяниям. Именно в такой стране, как Россия, воцарилась (поистине стала на месте царя!) диктатура государства худшего сорта. На плечах русских трудящихся основалось такое мощное государственное тело, что оно вобрало в себя все отрицательные черты прошлых государств: теократического, династического, феодального и капиталистического.

Г. П. Максимов, который в самой реальной форме принимал участие в разрушении таких "государственных основ," вынужден был видеть, что именно в его стране и в среде его народа разрушены до основания все попытки создания вольного, безвластного общества. Больше того: когда ему суждено было выйти из полицейски-тесных пределов России на международную арену, он и там увидел, как далеки народные массы от воплощения дорогих ему идей. Чем больше народы сбрасывали с себя путы политического и экономического рабства, тем еще крепче они связывали себя с учреждениями и навыками новой, "прогрессивной" государственности. Героическая борьба в Испании кончилась даже поражением.

Максимов стоял лицом к лицу с этими жестокими уроками опыта, и не мало людей с сильным характером могли бы сломиться душой. Тем более ярким огнем горит личность Максимова, который, вопреки этому

опыту и горестным утратам, не согнул ни своего учения, ни своей веры в будущее. В мире, где государственность царит безраздельно над прогрессивными и реакционными умами, он спокойно и достойно продолжал нести в свет основные мысли того учения. И может ли кто из нас сомневаться, что если бы судьба потребовала от него личной и жизненной жертвы за это учение и эту крепкую веру, он бы такую жертву спокойно принес.

Мне не пришлось часто встречаться с Г. П. Максимовым в жизни, но в те отдельные разы, когда я его видел, он был верен себе без остатка. Первый раз, в Москве, в феврале 1921 года, когда хоронили Петра Алексеевича Кропоткина. 8-го февраля Кропоткин скончался в Дмитрове, и немедля была разослана "всем, всем, всем" трогательная в своей простоте телеграмма:

"Почил наш общий любимый учитель, десятки лет боровшийся неустанно за полное освобождение угнетенных всего мира. Сохраним же в нашей памяти на все время его великий подвиг и скорбный день его кончины."

В тот же день пошли телефограммы к Ленину, к В.Ч.К. и в Бутырскую тюрьму. Комиссия анархических организаций просила "распоряжения об освобождении из всех мест заключения анархистов для участия в похоронах Кропоткина." Под этими документами стояла на первом месте и подпись Максимова.

Я помню этот день похорон. Стоял очень холодный зимний день. Огромные массы народа собирались у Дома Союзов, где покоилось тело почившего. Было поразительно, что нигде не видно было представителей большевистского начальства. Москва в тот день была как-бы без большевиков.

Но они были в Москве. Уже давно должна была тронуться процессия с гробом, а она не начиналась. Взволнованная толпа узнала, что ведутся затяжные переговоры о выпуске на один этот день заключенных анархистов. В.Ч.К. требовала "гарантий," и только под давлением этого огромного события она согласилась освободить из тюрьмы на срок анархистов и синдикалистов. В тяжелых меховых шапках, с широкими болами на молодых лицах, они явились — и

тогда торжественно - скорбная процессия тронулась к кладбищу Ново-Девичьего монастыря. Максимова и его товарищам удалось в тот день побороть силу государства величием моральной силы.

Это было в 1921 году, а уже через два года мне пришлось встретиться с ним на чужбине, в Берлине. Максимов активно работал тогда в "Рабочем Пути," органе русских анархо-синдикалистов. В том же Берлине заграничные деятели партии левых с.-р. работали в своем издательстве "Скифы." Они задались целью издать ряд хрестоматий из сочинений основоположников русских революционных учений. Вышли уже хрестоматии Герцена, Лаврова и Михайловского. Нам очень хотелось иметь хрестоматию из всех работ Бакунина, ибо в жилах левого народничества текла также и кровь Бакунина. Мы, естественно, обратились к Г. П. Максимова, — и он с большой охотой взялся за это. Книга была им подготовлена со знанием и любовью, но не могла тогда выйти в свет из-за тяжелых условий для русской эмиграции. Надо полагать, что часть этой книги войдет в ту большую работу о Бакунине, которую он оставил после себя для опубликования.

Промчались не менее 25 лет и вдруг я получил в Нью-Йорке от тов. Максимова письмо. Оно было полно заботы об одном левом с.-р., который очутился тяжело больным в немецком лагере, после многих лет лишения. Максимов уже стал посылать ему посылки и просил о дополнительной помощи ему. Не трудно было догадаться, почему Максимова так потянуло к тому товарищу. Тут были не только теплые воспоминания о соратнике в борьбе, с которым он вместе сидел в Московской тюрьме. Тут была также теплая симпатия к человеку-борцу, который, подобно ему, не согнулся ни политически, ни морально за все эти "каторжные" годы скитаний по Европе, одиночества и искушений со стороны большевизма.

Этот гуманитарный штрих в облике Максимова проявился для меня в Чикаго, в 1949 году. В доме одного общего друга собралась группа людей, и я сделал им доклад о работе еврейской организации "Фрайланд." Речь шла о поселении еврейских бездомных людей из Европы на какой-нибудь новой территории за морем на общественно-кооперативных, не-политических началах. Было ясно, что эта идея не подходила целиком к интернационалистической программе Максимова. Однако он слушал с глубоким внима-

нием и не высказал какого-либо отрицательного отношения. Почему? Потому, что его захватила горестная повесть о бедствиях невинных людей, только что спасшихся из кровавого урагана; потому что выше всякой теории он ставил страдания и стремления живого человека.

Если кто-либо хочет в этом убедиться, пусть прочтает внушительную по логической и моральной силе статью Максимова о "Всероссийском Голоде" в № 21 "ДТП" за 1947 г. Он в ней не только дает уничтожающую критику того режима, который довел до этого голода, но он также мучительно думает о том, как спасти голодающих. "Сейчас перед нами стоит — говорит он — вопрос не о революции русского народа против государственного крепостничества, а вопрос более простой: как спасти несколько миллионов человеческих жизней от голода?" Он дает свои указания, и заканчивает эту замечательную статью такими простыми словами:

"Прошу и умоляю всех внять призыву: Помогите русскому народу, спасите миллионы от голодной смерти! Разве вы не слышите крики голодных детей и обезумевших матерей? Я их слышу. День и ночь они звенят в ушах. Помогите поскорее."

Вот таким был этот человек. Его ум был постоянно занят обработкой и формулировкой основных идей о том, как перестроить общество в общечеловеческом масштабе. Эти идеи он формулировал, например, в своей работе: "Мое социальное кредо," изданной в 1933 году. Но душа его и сердце тянулось к тому реальному живому человеку, к Ивану и к Марии, которые несут на своих плечах тяжкий груз истории и которые так мало получают даже в праздничные дни их освобождения. За человечество, но и за человека! — в этом нравственная правда таких тихих, скромных и в то же время неустрашимых-смелых людей, как Максимов. Как ни тяжело бывает подчас следить за историей нашего времени, но всякий раз набираешься силы и веры, когда видишь таких людей. Не говорите нам он умер, а говорите: он был и будет.

И. З. Штейнберг.

▲▲▲

Дорогие товарищи! Получила ваше письмо со скорбной вестью, что не стало нашего дорогого товарища Г. П. Максимова. Так не хочется примириться с этой огромной утратой, что его нет среди нас и что он не подарит нам своих прекрасных, волнующих, зовущих на борьбу статей. Больно ранила нас всех смерть т. Максимова, но его дело будем продолжать.

А. Шимаите.

Г. П. МАКСИМОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Преждевременная кончина Григория Петровича Максимова поразила и опечалила нас всех, знавших его лично. С его смертью ушел из мира навсегда еще один из последних могилян, активных участников великой Русской Революции, угробленной большевистскими разночинцами; число их с каждым годом все уменьшается, особенно в рядах анархистов, сыгравших важную роль в углублении этой революции. Большинство их погибло не в прямой революционной борьбе за права человека и гражданина, за хлеб и волю трудящихся, а в застенках и подвалах ВЧК, в гиблых местах до концлагеря ГПУ и НКВД. Они пали жертвой злодеев, агентов большевистской власти, массами уничтожавшей оппозиционеров и расчищавшей путь к явной контр-революции, которую завершил Сталин, утвердивший, бесчисленными казнями и голодом, ничем необузданный **абсолютизм** партийных мракобесов и всеобщее государственное **рабство**. Став диктатором-самодержцем, он превратился в "отца народов" с сотней других не менее заумных титулов. Лакействующие подхалимы наделили его всякими "добродетелями", "способностями" и чуть ли не "божескими" качествами. Благодаря этому рабоплепному обожествлению, "вождь" стал для "правосверных коммунистов" вторым "папой римским," в руках которого находится не только большой денежный мешок, но и все ресурсы огромного государства, называемого Советским Союзом или СССР.

Смерть Г. П. Максимова является большим ударом для русского безвластного движения. В лице покойного мы потеряли, во-первых, искреннего друга и преданного товарища; во-вторых, способного и неутомимого организационного работника; в-третьих, осведомленного, талантливого, честного журналиста; в-четвертых, страстного борца за справедливость, свободу и равенство для всех; в-пятых, чуткого, отзывчивого человека, с большой душой и горячим любвеобильным сердцем, высокой моральной чистоты и совести, который всегда защищал интересы и попранные права угнетенных и эксплуатируемых масс и всемерно отстаивал принципы анархизма, на основе которых единственно возможно построение свободного общества, без власти человека над человеком и без эксплуатации человека человеком. Этой борьбе со злом и неспра-

ведливостью Г. П. Максимов посвятил всю свою жизнь.

Надо признать, что в наш жестокий век таких людей, как Г. П. Максимов, обладающих чувством справедливости, доброй волей и благородными чертами характера, очень мало по сравнению с общей массой населения. Но, несмотря на это, именно они, эти неугомонные и вечно ищущие натуры, там и здесь рассеянные в народной гуще земного шара, скромно выделяясь, являются в основном **движущей** силой человеческого прогресса. Без них, этих мало заметных двигателей социальной справедливости, и без их постоянных усилий и морального воздействия на общество — человечество одичало бы: при все увеличивающемся давлении государства на массы люди превратились бы в скотов, чего с таким остервенением и напористой методичностью добиваются современные тоталитарные государства, утопающие в море человеческой крови, и буржуазные государства, прущие на всех парах к тоталитризму. Между ними (частным государственным капитализмом) ныне идет упорная борьба за господство над трудовыми массами всего мира; именуется она "холодной войной," пожирающей огромные народные средства и заражающей мир военной истерикой. Цели правящих ясны: еще больше ожесточить нравы людей и свергнуть их в новую бойню самоистребления. По мере своих сил Г. П. Максимов решительно боролся, как с частным, так и с государственным капитализмом. Он разоблачал его эксплуататорскую сущность и паразитизм и указывал трудящимся правильный путь к освобождению. В этом его заслуга перед освободительным рабочим движением.

В заключение считаю необходимым привести некоторые мысли Г. П. Максимова для характеристики его личности. Отличительной чертой покойного была его изумительная работоспособность и упорство, которые он проявлял для достижения поставленной какой-либо цели. Об этом говорят нижеследующие строки его письма:

"Я почти три месяца сижу, как окаменный, над изучением мировой ситуации: изучаю события прошлого и предшествующих лет, чтобы написать статью для английского Сборника группы "Свободное Общество." Работую с раннего утра до 2-3 часов ночи. Успел только подобрать и проработать материал, теперь надо привести его в систему и начать писать. Никак не думал, что

утою в этой работе..." (Почти через месяц после написания этих строк Максимов скончался, не закончив вполне своей работы.)

Покойный не допускал грубости ни устной, ни письменной. На этом основании он отвергал статьи и письма, присланные в редакцию для напечатания их в журнале. Возвращая одно из таких писем, Г. П. Максимов отметил:

"Напечатать письмо Х в журнале не можем: не потому, что оно направлено против нас, а потому, что написано очень грубо. Грубость в нашем журнале допускать нельзя, независимо от того, против кого эта грубость направлена."

О другом авторе крикливого произведения, которого он сравнивал с героем романа Уэллса "Когда спящий пробудится," Г. П. Максимов писал:

"Ему нужно много поработать над собой, проверять свои убеждения чтением наших классиков, приучиться серьезно относиться к писанию, выработать чувство ответственности за каждое написанное слово, быть всегда фактически точным и изгнать крикливых, бомбистских фраз, потому что это дело прошлого в нашей литературе. Что позволительно было на массовом митинге в разгар социальных перемен, то не позволительно теперь, когда требуется серьезный, вразумительный и понятный ответ на сложные вопросы, выдвигаемые жизнью..."

Кстати интересна мысль Максимова о том, что он считает подлинным анархизмом или его научной сущностью. Незадолго до своей смерти он так определил анархизм:

"Есть только одно анархическое движение, в основном покоящееся на революционном и классическом учении Бакунина и Кропоткина... Все остальные анархические философские системы к движению не имеют никакого отношения: они относятся к области анархической мысли, но ни одна из них не может быть названа научной, ибо ни Годвин, ни Штирнер, ни Толстой, ни Токер не пользовались научным методом; Прудон тоже можно отнести к этой же категории. Мы можем и должны пользоваться их учениями, особенно критической стороной, поскольку это может дополнить Бакунинско-Кропоткинскую философию, не извращая ее."

Покойный Г. П. Максимов был очень чуток и весьма отзывчив к чужому горю и беде. Вот как он реагировал на одно из многих писем от узников с острова Липари в Италии:

"Право, не знаю, как поступить с письмом Х, чтобы помочь ему и всем другим, находящимся в его положении. Напечатать его в журнале можно, но это делу не поможет. Я предложил бы пойти к М. Е. Вайнбауму в "НРС," дать ему прочесть письмо и, если он согласен, поместить в газете. Но и это тоже не поможет. Но можно связаться с кем-либо, кто входит в круги власти имущих и влиятельных людей, через которых можно нажать

и на итальянское правительство, и на соответствующий комитет Объединенных Наций. Этим делом мог бы заняться Комитет Помощи..."

"Эх, столько горя кругом!"

Г. П. Максимов писал кровью сердца, болей душой за всех обиженных, гонимых и преследуемых. Он живо откликался на всякие человеческие нужды и на события дня, ибо для него был дорог и ценен всякий человек. Под его влиянием был организован Объединенный Комитет помощи русским в Европе, ныне РООВский Комитет, который помог многим русским невозвращенцам и беженцам переселиться из Европы в Америку.

Таков был Г. П. Максимов в своей повседневной деятельности; у него слово не расходилось с делом. Память о нем да будет вечна.

К. Филиппович.

Вечер с Г. П. Максимовым

Узнав о приезде в Нью Йорк т. Максимова с целью прочесть ряд лекций в русских группах, мы решили пригласить его в нашу американскую группу ("Нью Трендс") и устроить банкет в честь прибывшего товарища.

По поручению группы я поехал в гостиницу, где остановился с женой т. Максимов. После теплой встречи т. Максимов вдруг задал мне вопрос: "Что же это вы устроили для меня в вашем ресторане?"

Заметив мое удивление, он начал объяснять мне, что на банкете еврейской газеты "Ф.А.Ш." его слишком расхвалили. Теперь я понял вопрос т. Максимова: все это было не по душе его скромной натуре. Я заверил его, что ничего подобного у нас не будет, и мы отправились в ресторан, где в это время уже собрались товарищи и друзья разных группировок. Они встретили чету Максимовых с большим одушевлением, чем расторгали т. Максимова, который в награду прочитал нам блестящую лекцию на тему: "Анархизм и грядущая война."

По окончании лекции началась дискуссия и поступили вопросы лектору, на которые т. Максимов отвечал с глубоким знанием и большой убедительностью. К концу вечера многие разошлись и Максимовы остались в окружении ближайших друзей. За чашкой кофе мы стали обсуждать нужды нашего движения. Максимов неоднократно указывал на необходимость организовать Интернациональное книгоиздательство из анархических групп разных национальностей. Эту необходимость он подчеркивал и всякий раз

напоминал при каждой новой встрече с нами. В конце-концов он заразил нас своим энтузиазмом и мы решили попытаться осуществить его предложение.

После нескольких собраний представителей от русских, еврейских, испанских, итальянских и американских групп нам удалось организовать такое книгоиздательство, вернее, *Libertarian Book Club*. Первой нашей задачей будет, конечно, издание книги т. Максимова на английском языке "Учение Бакунина." Она ознакомит американских читателей с великим бунтарем и введет их в мир духовных богатств этого глубокого мыслителя и революционера, М. А. Бакунина, учение которого систематизировал Максимов. В этой хрестоматии читатель найдет то, что Бакунин хотел сказать о религии, науке, философии, социализме, революции, диктатуре и прочее.

Этой книгой т. Максимов, несомненно, принесет большую услугу нашему движению. Беспощадная смерть преждевременно вырвала его из наших рядов и т. Максиму не суждено было увидеть свою книгу.

Товарищи, давайте общими усилиями издадим эту книгу. Она обогатит нашу литературу, а т. Максиму послужит неруко-творным памятником. **Джэк Фрэйгер.**

Вместо Надгробного Слова

Товарищи и друзья! Моими устами сознательные труженики города Детройта выражают свою глубокую скорбь о преждевременной смерти товарища Максимова, в лице которого мы понесли тяжелую утрату.

Для тружеников Детройта т. Максимов был преданным другом, верным товарищем и бесстрашным борцом за их лучшую долю.

Я не буду касаться работы покойного в России, где он с юношеским пылом окупался с головой в революционную деятельность по разрушению 300-летних устоев царизма; не буду касаться и его работы тех дней, когда царизм рухнул и трудящиеся России под руководством и указаниями рыцарей Безвластия, — среди которых Максимов играл видную роль, — с бурным энтузиазмом начали строить свою жизнь на социальной справедливости. Есть товарищи, которые лучше меня знают революционную деятельность Максимова, ушедшего от нас в Небытие, и они надлежащим образом осветят эту его деятельность. Я хочу лишь несколькими словами отметить общее мнение передовых рус-

ских детройтцев, для которых, в том числе и для меня, товарищ Максимов был другом, отцом, учителем и неустанным борцом. Как солнце, он светил нам и грел нас. Никакие жизненные невзгоды и непогоды не останавливали его, когда мы звали его прочесть ту или иную лекцию и этим дать бой врагам трудящихся. На протяжении ряда лет т. Максимов читал свои блестящие лекции в Детройте. Память о них и Максимове жива в сердцах русских труженников и поныне. Со стороны лже-представителей рабочего класса, так называемых коммунистов-большевиков, были неоднократные попытки сорвать ту или иную лекцию Максимова, но успеха они не имели, потому что Максимов стоял за правое дело обездоленных тружеников. Поэтому при поддержке аудитории попытки срыва легко предотвращались.

Как глубоко-бескорыстный идеалист, т. Максимов в течение всей своей жизни применял идею анархизма на практике. Он не изменял своих убеждений. Он жил и умер анархистом. Он страдал за обездоленных и радовался их успехам. Он посвятил всю свою жизнь делу освобождения трудящихся.

Имея высшее образование, Максимов, если бы пожелал подчиниться диктату ЦК ВКП (б), легко мог бы устроиться в большевистской России, откуда он был депортирован вместе с другими анархистами за границу, но он не захотел строить свое благополучие на несчастьи других ни в России, ни за границей. Он избрал тяжелый физический труд. Максимов прекрасно знал, что легкая, безмятежная жизнь строится на мозолях и на горбе рабочего и называется она жизнью тунеядцев. Приложение к жизни умственного и физического труда полезно в том обществе, которое пропагандировал и за которое боролся покойный, — общество равных политических и экономических возможностей для всех и каждого, общество анархии. Приложение же этого принципа (физического и умственного труда) при капитализме — это медленное самоубийство.

Товарищ Максимов усиленно работал физически и умственно. Физически он работал для пропитания, а умственно — для идеи и для журнала "Дело Труда-Пробуждение," который он держал на должной высоте. Силы его надорвались и — человека не стало: любвеобильное сердце перестало биться... Земно кланяюсь я и все трудящиеся Детройта твоему мирному праху, дорогой т. Максимов. Память о тебе будет жить вечно в наших сердцах!..

Ф. Коваленко.

ЧЕЛОВЕК, ЖИВШИЙ ПО СВОИМ УБЕЖДЕНИЯМ

Последние годы мне пришлось быть соседом покойного Г. П. Максимова. Приходилось часто с ним встречаться, разговаривать о многих живых общественных вопросах и, слушая его, ознакомиться с его взглядами и убеждениями. Если бы кто-либо неожиданно попросил бы меня указать самую характерную черту Максимова, то я без всякого сомнения ответил бы, что он был человеком, жившим согласно своим убеждениям.

Жить, как "куда ветер дует," — это самое легкое дело, но жить согласно своим убеждениям, — каковы бы они ни были, — гораздо труднее. Тяжело обыкновенному либералу, тяжелее социалисту, а всего тяжелее — революционеру, которому моральные нормы не позволяют делать компромиссов с каждым днем появляющимися проблемами и невзгодами жизни. В жизни мы встречаем революционеров, идущих на компромиссы; глашатаев морали, ломающих основные принципы человеческого сожительства; социалистов, в практической жизни не придерживающихся социалистических принципов. Жизненная реальность — жестокая и горькая; мы слабы и недостаточно предусмотрительны и часто, совершенно того не сознавая, идем туда, куда наши убеждения не позволяют нам идти. Максимов понимал опасность скользкого пути компромиссов и, вступая в водоворот общественной жизни, повидимому, решил жить, согласно своим убеждениям.

Труд — источник существования

Кроме других философских и социальных убеждений, насколько я прав, Максимов был твердо убежден, что работа это — основной принцип и источник человеческого существования. Труд, важнейший фактор теперешней системы, должен быть основой и в желаемой более справедливой и более свободной системе. Не всякий труд, но лишь продуктивный, не эксплуатирующий труд. Недостаточно обещать не эксплуатировать человека в мечтаемой системе будущего, — нужно избегать эксплуатации и сегодня. Эксплуатации не будет, когда сами эксплуатируемые не позволят себя эксплуатировать, и был бы сделан огромный шаг вперед, если бы все сознательные люди уже сегодня приняли бы меры не эксплуатировать других: не эксплуатировать не только другого человека, не только другого рабочего, но и не экспло-

атировать своего товарища, брата, своей жены.

В этом вопросе Максимов был чрезвычайно чуток и щепетилен. Он старался не позволять другим эксплуатировать себя и в то же время не желал эксплуатировать других. Человек с высшим образованием, он мог бы легко где-нибудь пристроиться, мог бы придумать способ или план, чтобы легче прожить. Мы знаем противников капиталистической системы, стоящих во главе довольно крупных капиталистических предприятий; знаем защитников прав трудящихся, живущих за счет взносов и платежей собранных от тех же самых рабочих; мы слышали о пропагандистах более справедливой системы, которые питаются из комитетов, из государственных или полугосударственных фондов. Эти источники часто покрыты невинными именами, но цель каждого из них одна: прожить за счет других. Если бы Максимов хотел такой жизни, ему не пришлось бы и планов составлять. Было достаточно доброжелателей, которые несколько раз предлагали ему готовые планы для легкой жизни. Многие в его положении не имели бы мужества отказаться, но Максимов на эти предложения определенно говорил: "Нет."

Когда Максимов убедился, что незнание языка, ненормальные общественные условия, указы свыше и разные формальности не позволяют ему применить в жизнь его агрономические знания, он был достаточно смел взяться за самую грубую простую работу. Побыв некоторое время учителем и увидев, что он не сможет преподавать по рациональным методам, он взялся за работу обойщика. И вот на улицах Чикаго мы видим человека, окончившего высшее сельскохозяйственное училище в Петрограде, развешивающего на трамваях с длинной доской обойщика, ведром и лестницей. Каждое утро, часто в потемках, приходилось ехать на работу; каждую ночь в переполненных трамваях возвращаться домой.

Часто не один домовладелец, обменявшись несколькими фразами с обойщиком, удивлялся его эрудиции, его обширной общей осведомленности. Богач-хозяин не знал, что он говорил с образованным революционером и с необычайным идеалистом, способным не только говорить о необходимости лучшего сожительства людей, но и способным жить согласно его убеждениям.

Он отказался обижать украинских крестьян

За то, что Максимов был чрезвычайно решителен и силен волей, говорят еще и следующий факт: в 1919-ом году он был в рядах Красной Армии и с революционным рвением боролся против контр-революции, но, когда его часть была вызвана на усмирение украинских крестьян, Максимов, узнав о назначении, заявил начальнику своей части: "Красная Армия организована для борьбы против врагов русского народа, а не против крестьян и рабочих, усмирять крестьян я не пойду." Он прекрасно сознавал значение и последствия этого протеста. Ему было известно, что в Красной Армии, как и во всякой другой, за отказ повиноваться и выполнить приказ грозит суровое наказание. Ему также было известно, что начальник части имеет огромные права и может расстрелять его без всякого суда. Он знал последствия протеста и все-таки выразил его. Он действовал так потому, что знал, был убежден, что подавление и обезоружение революционных крестьян это один из опасных для революции шагов правительства. Он не хотел быть участником этого преступления.

Максимов был сейчас же обезоружен, ему была назначена смертная казнь и его посадили в одиночку смертников. Он был бы расстрелян в Харькове, еслибы весть об этом не дошла до центра Профсоюзов металлургии: их быстрый и решительный протест заставил совправительство отменить смертную казнь и после некоторой задержки освободить Максимова.

Он имел смелость брать на себя ответственность

Максимов был освобожден, но не на долго, ибо, как только он почувствовал контр-революционное направление большевистской власти, он немедленно начал поднимать этот вопрос устно и письменно. В течение двух лет коммунистическая Чека арестовывала его шесть раз. Его не могли обвинить ни в каких преступлениях, не могли составить судебного дела, но из тюрьмы не выпускали. Сидевшие в Таганке анархо-синдикалисты, желая обратить внимание съехавшихся в Москву делегатов рабочих организаций Западной Европы на двуличность Русской коммунистической партии и нещадное преследование ею всех инакомыслящих революционеров, — объявили голодовку. В числе голодавших был и Максимов.

После девяти дней голодовки заключенные очень истощали и сильно ослабли. По свидетельству подруги Максимова, Ольги, все время посещавшей тюрьму, Максимов также был очень слаб: глаза ввали, щеки осунулись, кожа пожелтела, руки иссохли, в груди глубокая впадина. Он уже не мог сам идти на свиданье; в комнату свиданий его привел староста заключенных в Таганке, социал-демократ, Аркадий Васильевич Стоилов. "Вся сила этого человека в бороде," — заявил Стоилов, приведя Максимова: — "если бы не борода, он не мог бы сюда придти, потому что силы в ногах у него уже нет." Борода у Максимова, действительно, покрывала всю грудь, как показывают сделанные позднее снимки, но сил у него уже не было. Он не мог не только ходить, но и говорить: он говорил не словами, а по слогам.

В тот день Ольга хотела разрешить одну жгучую проблему. В тюрьме был молодой студент А. Шерешевский. Он страдал особой болезнью, но голодал вместе с другими. Родители студента были страшно озабочены судьбой своего единственного сына и попросили Ольгу убедить их сына прекратить голодовку и упротист других заключенных позволить юноше прервать голодовку. Ольга изложила перед Максимовым все аргументы, почему юноша должен быть освобожден от голодовки, но Максимов не согласился ни на какие доводы, ни на какие изъятия из голодовки. "Максимочка, умирай ты, если нужно, но разреши этому юноше кончить голодовку," — наконец промолвила Ольга. Имея в виду то, кем был Максимов для Ольги, эта ее просьба была огромной жертвой. "Мы не прервем голодовки," — по слогам ответил Максимов; — "мы не принудим Шерешевского голодать, но мы не дадим повода правительству утверждать, что голодовка уже трещит... Шерешевский будет продолжать голодать вместе с другими." Дальнейшие мольбы Ольги не изменили мнения Максимова. Только сознательный, закаленный борец мог дать такой ответ. Максимов брал на себя огромную ответственность, ибо он знал, с каким противником идет борьба. Шерешевский вместе с другими продолжал голодать и вместе с ними достиг победы.

Болезнь не изменила его взглядов, не сломала его воли

Максимов выказал крепкую волю не только в начале большевистской реакции: креп-

кая воля не оставляла его до конца жизни, о чем говорит его отношение к своей болезни. Сердце у Максимова уже давно начало пошаливать: первые симптомы показали десяток лет тому назад, а в 1944 году сердечный припадок уложил его в постель почти на целый год, да и на следующий год он двигался с трудом. Врач часто посещал его на дому, или же Максимов, начав двигаться, ездил к врачу. Когда сердце немного окрепло, Максимов решил взяться опять за тяжелую работу обойщика. Когда доктор Г. Яновский проверил его грудь, пульс и прочее, Максимов спросил его: "Что вы, доктор, делаете вы на моем месте?" "Пошел бы на работу," — серьезно ответил доктор Яновский. Доктор очень хорошо знал своего пациента. Он знал физическое недомогание больного, но он также знал непоколебимую волю этого больного и его упрямое решение не ломать принципов ежедневного образа жизни, избранных несколько десятков лет тому назад. Доктор знал, что больной не будет выполнять его рекомендаций отдыха, как он не выполнял их и раньше. Кроме того, доктору было известно, что Максимов без работы не сможет обойтись: никаких сбережений он не имел, никакой пенсии нигде не ожидал, никаких пожертвований, ни под каким видом, не принимал и не примет. Но, спустя несколько секунд, доктор Яновский добавил: "Но я бы делал так: не оклеивал бы потолок, избегал бы долгих часов работы и работал бы столько, сколько необходимо..." Это был единственный совет, какой мог дать такому больному разумный врач. Максимов, по силе возможности, придерживался этого совета.

Доктор Яновский был не только врачом, но и другом больного, он старался продлить его жизнь еще на несколько лет. Он также понял, что вопрос был поставлен ему не как врачу. С первого взгляда могло бы показаться, что больной озабочен только здоровьем, в действительности же он выявил моральную проблему, которая была для него важнее, нежели здоровье, важнее вопроса самой жизни. Друг-врач не обманул доверия больного, ибо на месте больного он и сам бы пошел работать. Максимов, получив сердечный ответ, доверился своему врачу и по возможности слушался его указаний.

Живой пример—лучший наставник

Максимов знал, что его ожидает. Он прекрасно знал анатомию человека и внимательно следил за всеми научными новостя-

ми в области его болезни. Ему было ясно, что каждый день тяжелого труда ускоряет приближение смерти. Он сознавал это и, можно утверждать, сознательно шагал по пути к концу.

Максимов был уверен, что для человека необходимо моральное воскресение. За последние десятилетия о социализме говорится очень много, но основные принципы социализма забываются; печатаются книги и журналы о более справедливом распорядке в будущем обществе, но никто не старается устранить тут же рядом с нами происходящую неурядицу; имеются огромные организации трудящихся для борьбы с эксплуатацией, но часто те же самые организации еще теснее сжимают тиски эксплуатации. На митингах рабочие слышат множество речей о свободе, о классовой борьбе, о демократии, о социализме и тому подобное, но в повседневной жизни они видят тех же глассателей, поступающих совершенно противоположно оглашаемым ими принципам.

Эту аномалию Максимов давно понял. Он также хорошо понимал, что живой пример — лучший наставник. Он избегал всего того, что противно прогрессу; он делал то, что должен делать каждый человек, который озабочен вопросом о лучшем будущем. В его мировоззрении работа-труд занимала очень важное место, и в ежедневной жизни работа для него играла важную роль. Так и судьба решила, что Максимов помер, окончив полный рабочий день. Восемь часов он обивал обои и, кончив работу, поехал домой. До дома-то он доехал, но войти в дом уже не смог: около дверей сердце его перестало биться...

Поступки Максимова говорят больше, чем слова и писания.

М. Гудель.

Уважаемые товарищи, мы скорбим о безвременной кончине нашего глубоко уважаемого товарища Г. П. Максимова, сердца наши перепелены печалью.

При своей жизни покойный Г. П. Максимов три раза посетил наш небольшой городок Нью Кэстль в штате Пенсильвания и читал нам свои доклады о текущих событиях. Всякий раз на его лекции собиралось много публики, на которую Максимов производил глубокое впечатление, как своей личностью, так и докладами, а в особенности разъяснениями чисто человеческого идеализма.

Весть о смерти Г. П. Максимова передавалась из уст в уста всеми, кто знал его лично и слышал его доклады. От имени русской колонии Нью Кэстля выражаем вам всем и близким Г. П. Максимова наше глубокое соболезнование. Да будет память о нем вечно в наших сердцах.

Я. Ткачук.

МАКСИМОВ, КАК ДРУГ И ТОВАРИЩ

Очень тяжело и трудно привыкнуть к мысли, что этого человека с добродушной улыбкой нет больше среди нас. Ведь я близко знал его свыше 30 лет.

Познакомился я с Г. П. Максимовым в бурные годы Русской Революции, когда я по делам организации приезжал в Москву. С разгромом большевиками революции судьба забросила нас за границу: меня — в США, а Максимова — в Берлин, Париж, а потом в США, куда он приехал один, т. к. его подруга жизни — Ольга осталась в Европе.

Оторванность от родины, тяжелые воспоминания о пережитом, невольная разлука с женой и трудные американские условия жизни действовали на него угнетающе: он тосковал в своем одиночестве. Единственной отрадой для него было пребывание в нашей семье, где он чувствовал себя, как дома, и его упование, что диктатура в России провалится и можно будет немедленно вернуться на родину. В это время он редактировал ежемесячный журнал "Голос Труженика," которому отдавал все свои силы. Это скрашивало его жизнь и отгоняло тоску по родине и близким.

Спустя некоторое время, приехала Ольга и Г. П. Максимов повеселел: его настроение изменилось к лучшему и он мог более спокойно работать и творить.

Уходили год за годом и нарастали те или иные мировые события: усиление наци-фашизма, борьба в Испании, вторая мировая война... Все они захватывали т. Максимова, который собирал о них все материалы. Его квартира превратилась в склад разных газет, журналов и книг. Весь этот материал он собирался использовать для писания разных статей.

В 1936 г. по предложению Александра Беркмана наша Чикагская секция Комитета помощи заключенным и ссыльным товарищам в России решила выпустить Сборник к 15-летию существованию Фонда, включив в него материалы о несчастных узниках большевизма. Максимов взялся собрать некоторые материалы для этого сборника, а я — средства для его издания. Через некоторое время т. Максимов спросил у меня:

— Ну, как обстоят дела с финансами для Сборника?.. А знаешь, что собранных материалов для Сборника хватит на большую книгу.

На издание книги у нас денег не было. Но, вполне понимая желание Максимова издать

книгой собранные им материалы о ссыльных и заключенных в большевистских тюрьмах в России, я не мог сказать ему "нет."

Было решено продолжать работу — собирать материальные документы и средства на издание книги, над которой Максимов проработал весь 1937 год. Так была создана "Гильотина за работой — 20 лет большевистского террора в России" на основании документальных данных. Она была переведена на английский язык и издана Фондом А. Беркмана в 1940 году.

Издание этой книги вдохновило т. Максимова на новую работу: он с юношеским пылом принялся за подготовку к изданию "Учения М. А. Бакунина." Работал Максимов с большим усердием и упорством, как для собственного пропитания, так и для блага общества. Чтобы выполнить срочную общественную работу или работу по журналу он часто просиживал ночи напролет, что я не раз наблюдал лично, когда поздней ночью, возвращаясь домой, я видел свет в окнах квартиры Максимовых.

Сердечная болезнь т. Максимова, которая началась 6 лет назад, по временам отрывала его от работы. Но как только он чувствовал себя немного лучше, Максимов сейчас же принимался за новый творческий труд. В начале нынешнего года он мне говорил, что снова просматривает труды П. А. Кропоткина с тем, чтобы составить хрестоматию его учения, но смерть не позволила ему сделать это.

Г. П. Максимов ушел от нас во цвете своих творческих сил. Он мог бы еще многое сделать для блага человечества и для рабочего освободительного движения. Природа наградила его всеми качествами для продолжения дела Бакунина и Кропоткина, основоположников научного анархизма. У него был светлый ум, ясное понимание происходивших мировых событий, выдержанность и стойкость убеждений, глубокая вера в человечество и в его светлое будущее. Об этом свидетельствуют его труды, как уже опубликованные, так и те, которые остались после его преждевременной смерти, прервавшей его творчество.

Наш мир переживает ныне лихолетие. Политические жонглеры пользуют это для своей выгоды: они обещают народам всякие "блага," чтобы закабалить их в неволю. Русские марксисты (большевики) закабалили русский народ и превратили Россию в огромную тюрьму. Это сделали так называемые левые социалисты-коммунисты, а пра-

вые социалисты, чтобы удержаться у власти, не отстают от своих соратников в России, а те, которые желают достигнуть власти, действуют под маской "демократии" и тянутся в хвосте капитализма. Рабочее движение далеко от единства: оно разьединено и раздроблено профсоюзными политиками и "царьками." Все эти "вожди" справа и слева имеют только одну цель: держать трудящиеся массы в подчинении и повиновении, угашать их революционный дух и всячески эксплуатировать их. Именно в такой момент, когда раздвоенный мир нуждается в горячем веском слове правды и справедливости, в призыве к борьбе за свободу и равенство для всех, Г. П. Максимов ушел в вечность... Как жалко...

Смерть т. Максимова — большая потеря не только для либертарного движения, но и для всего человечества, за которое он болел душой и сердцем. Память о нем навсегда останется в наших сердцах, в его печатных трудах и в продолжении его работы на благо и на освобождение страждущего в рабстве человечества.

Б. Еленский.

В ПАМЯТЬ Г. П. МАКСИМОВА

Неожиданная кончина нашего любимого товарища Григория Максимова произвела на нас глубокое впечатление. В спокойные моменты мы можем философски рассуждать о неустойчивости жизни и неминуемой смерти, тем не менее мы бываем глубоко взволнованы, когда сталкиваемся с действительностью.

Нет нужды подчеркивать незаменимую утрату, которую понесло наше движение со смертью т. Максимова. Те из нас, которые были в постоянном контакте с ним, имели возможность наблюдать силу его характера, его ясный и проницательный ум, анализ событий, которые беспокоят нас, его непоколебимую твердую веру в человечество и в свободнические идеалы, могут полностью оценить его вклад в наше движение.

Более глубокое понимание человека и его работы можно получить из его трудов, выпущенных в прошлые годы. "Гильотина за работой" дает наиболее исчерпывающий анализ тоталитарной системы, которая в настоящее время контролирует жизнь и судьбу около 200 миллионов людей. Материал этой книги основан на фактах и это типично научный подход во всех трудах Максимова. Есть много еще неопубликов-

ванных рукописей, которые совместно с его газетными статьями дают ясное и сжатое утверждение нашей социальной философии; они должны бы быть переведены и опубликованы на возможно больше языках.

Тов. Максимов был деятелем в начале Русской Революции, но он вскоре осознал, что не может сжиться с линией и методами большевистской машины, с ее полным презрением к человеческой жизни и свободе. Максимов был глубоко заинтересован в благополучии и развитии русского крестьянина, который был под гнетом Романовых в течение столетий. Он надеялся совместно с другими, что в результате революции русские массы смогут поднять глаза к солнцу и строить советы на базе кооперации и взаимного понимания.

Жестокое и ничем неоправданное истребление миллионов русских крестьян, установление диктатуры с ее тайной полицией и шпионской системой, и подавление революционного духа масс вскоре убедили Максимова, что упования народа пропали и что для него было бы безнадежно и безумно оставаться в России.

За границей, как редактор различных газет и автор статей, Максимов призывал к человечности, но его голос звучал "гласом вопиющего в пустыне" против жестокости человека к человеку: тоталитарное чудовище устранило и подчинило себе народ и положение становилось все хуже. Постоянная ликвидация тех, кто осмеливался думать или говорить иначе, или бросать вызов силе большевистской машины, делала организованную оппозицию невозможной, и Максимов решил переехать в Соединенные Штаты.

Здесь, работая ежедневно как обойщик, хотя в последние годы ему было указано, что по состоянию его здоровья эта работа слишком напряженная, опасна для его жизни, Максимов продолжал свою творческую деятельность в либертарном движении. В холодные месяцы, когда его здоровье не позволяло ему работать физически, он посвящал свое время писанию статей и редактированию журнала "ДТП."

Не пустыми словами или памятником мы отдаем честь ушедшему товарищу. Его рукописи, труды его жизни, его служение делу свободы не останутся забытыми: мы поставим живой памятник, опубликуем его мысли, идеи и идеалы, и этим обогатим наше движение и увековечим память о Максимове, а также поможем делу, которому он посвятил свою жизнь.

Ирвинг Абрамс.

Мое Знакомство с Г. П. Максимовым

Я познакомился с т. Максимовым в 1933 году, когда Детройтская группа "Дело Труда" решила устроить ряд лекций на разные темы, и в течение одной недели т. Максимов прочитал пять лекций, которые прошли с большим моральным и материальным успехом. На одной из этих лекций мне впервые посчастливилось быть председателем.

— Я не сумею провести лекцию, — заявил я т. Максимову.

— Ерунда, вы не пугайтесь и говорите смело, как ежедневно разговариваете дома со знакомыми, как беседуете с товарищами. Забудьте, что вы перед аудиторией. Начинайте, т. Гаврилюк.

Воодушевленный советом т. Максимова, я в кратких словах представил публике лектора Максимова, который блестяще сделал свой доклад. После лекции начали задавать вопросы, на которые лектор давал исчерпывающие ответы. По окончании лекции на сцену вышло несколько человек белой эмиграции. Они стали пожимать руку Максимова и говорили: "Гражданин Максимов, вы, действительно, хороший лектор. Спасибо вам, гражданин..."

Через несколько лет мне довелось опять встретиться с Максимовым в Детройте, где

он снова прочел с большим успехом ряд лекций.

Промчалось еще десяток лет и... неожиданное известие: "Максимов умер"... На его похороны мы поехали вдвоем: я и т. Коваленко. Мне впервые пришлось побывать в Чикаго и на квартире покойного. На столе — груды бумаг, газет и журналов, одна комната полна книг и одинокая, убитая горем, жена покойного Ольга в своих мучительных переживаниях. Максимова здесь не было. Я увидел его в похоронном бюро. На этот раз он не давал мне советов: его уста не открылись, глаза не смотрели.

Гроб с телом Максимова вынесли три итальянских товарища и три русских: Луцкевич из Торонто, Коваленко и я. По приезде на историческое кладбище "Валдгейм," где похоронены 5 чикагских мучеников-анархистов и Эмма Гольдман, гроб с останками Максимова несли другая группа товарищей. Здесь после последнего "прощай" тело Максимова было предано кремации.

На общем собрании Детройтского Кооператива почли вставанием память покойного Г. П. Максимова.

Наше сердечное спасибо всем чикагским товарищам и их женам за теплый прием, какой они оказали нам. В фонд журнала "ДТП" посылаю 5 д. и желаю вам здоровья и сил в вашей тяжелой работе.

П. М. Гаврилюк.

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ Г. П. МАКСИМОВА

Известие о внезапной кончине т. Максимова ужасно огорчило и расстроило всю нашу небольшую группу. Многие знали Максимова близко.

На нашу телеграмму Еленский сообщил, что в течение трех месяцев Максимов усиленно писал целые дни и ночи. Накануне смерти писал всю ночь, а утром пошел работать. Вернувшись с работы, вылез из автомобиля, упал на тротуаре и, не приходя в сознание, умер.

Максимов был хороший простой человек, душевный и понимающий. Добрая ему память. В.И.Д.

Из вашего письма узнал о преждевременной кончине нашего дорогого товарища, Григория Петровича Максимова. Мы все очень и очень опечалены уходом в иной мир нашего незабвенного друга и сеятеля на ниве народной. Да будет память о нем навеки в наших сердцах. Я. Тимошук.

В воскресенье, 12 марта, я зашел вечером к Максимовым и застал там т. Волкова. Провели мы у них вечер до часов 11. При нашем уходе т. Максимов говорил нам: "Заходите, заходите почаще." Мы

обещали. Расставаясь с Максимовым, ни мне, ни Волкову не пришла мысль, что расстанемся мы с ним навсегда.

Я знал, что т. Максимов страдал сердечным недугом, но сам он об этом никому не говорил. Несколько последних недель он не работал физически и был занят умственным трудом. Я часто удерживал себя от визита к нему лишь потому, что не желал отнимать у него драгоценное время.

Максимов был большим гуманистом, каких мало встречаешь среди людей: он не желал ничего плохого даже своим злейшим врагам, которым он посвящал, в чем именно они заблуждаются. Да будет вечно добрая память о нем. Т. Юсевич.

Внезапная смерть Г. П. Максимова поразила всех, знавших его. Ему нужен был отдых и покойствие, но этого у него не было. Чрезмерный физический и умственный труд являются причиной его преждевременной кончины. Он всегда был перегружен умственной работой и его слабое сердце не могло выдержать напряжения.

Максимов был крупным талантливым публицистом, с которым все считались. Его идейная борьба

за социальную справедливость была огромна. Сказывалось также его сильное влияние на читателей журнала "ДТП," которые давали похвальные отзывы об его статьях.

На гроб покойного было возложено много венков. В похоронное бюро приходило много людей, чтобы сказать ему последнее прощание и отдать свой долг за бескорыстное служение народу и за его труды по борьбе с несправедливостью. **Н. Новин.**

▲
Уважаемая редакция "ДТП." Очень жаль, что наш многоуважаемый и дорогой друг Григорий Петрович Максимов ушел от нас преждевременно. Мои воспоминания о нем, как о моем родном отце или брате.

Г. П. Максимов был честным, откровенным, добрым человеком, чувствительным к людским страданиям. Он был истинный друг обиженных трудящихся всего мира, дело которых он защищал энергично и страстно. Его последние слова были: "Ну, Б., прощай! Больше видиться не будем." **П. Б. Б.**

▲
В отношении Григория Петровича Максимова мы считали себя в сердечно-благодарственном долгу и не теряли надежды когда-либо встретиться с ним лично, но... мы были потрясены, узнав из газеты "НРС" о преждевременной его кончине.

Мы чувствуем, насколько тяжела утрата, как для редакции "ДТП," так и для всех русских тружеников в рассеянии сущих. Мы разделяем скорбь со всеми, кому дорога память о безвременно ушедшем Г. П. Максимове. Пусть же труды его пера останутся вечностью маяком в океане человеческих страданий. **П. и А. Злотниковы.**

▲
Весть о преждевременной кончине Г. П. Максимова ударила, как гром с ясного неба. Так все это неожиданно произошло, что не хотелось верить траурным объявлениям в "НРС." Еще вчера он был среди нас, полный энергии. Еще недавно он разъезжал по городам и весям США, будил и звал на борьбу "за лучший мир, за святую свободу." В мыслях, как в калейдоскопе, пронеслись эпизоды и картины работы этого энергичного борца за безвластие.

Вспоминаются лекции Максимова, которые он читал много раз в Филадельфии. Двухчасовые лекции часто затягивались еще на два часа, когда социалисты-государственники или большевики старались оправдать свою идею государства. Никогда не изгладится из моей памяти лекция, когда покойный с кипой цитат в руках доказывал типокритство и двуличие Ленина: до захвата власти Ленин писал, что и кухарка может управлять государством, а после захвата — нужно уметь управлять государством и это знают большевики. Кто-то из присутствовавших усомнился в справедливости цитат и потребовал доказательств: где и когда это было написано Лениным? Товарищ Максимов привел десятки цитат из Ленина, противоречащих одна другой, и дал название книги или брошюры, год издания и страницы. Этим вопрошавший был сконфужен, а слушатели рассмеялись до слез. Все эти противоречия Ленина можно найти в книге Максимова на английском языке "Гильотина за работой."

Можно было не соглашаться кое в чем в тактической работе т. Максимова, но в одном мы должны согласиться: т. Максимов сделал очень много

для нашего безвластного движения и память о нем, как неутомимом идеалисте, останется в наших сердцах до могилы. **Никифор Н. Гринюк.**

▲
Уважаемые товарищи, когда я получил от вас в субботу, 18 марта, поздним вечером письмо с извещением о неожиданной смерти нашего общего друга и товарища по борьбе за лучшую долю трудящихся — Григория Петровича Максимова, я не верил своим глазам... Ведь вы мне сообщили, что тов. Максимов спрашивал мой адрес, чтобы написать мне письмо, которое я ожидал с нетерпением, а получил такую печальную весть.

Никто так великолепно по простоте, ясности и глубине мысли не читал нам, простым рабочим Юнгстауна, лекции по анархизму, как т. Максимов. Очень печально, что неумолимая смерть уносит таких подлинных защитников прав человека и социальной справедливости, как Г. П. Максимов, который был страстным искателем истины. Он ушел от нас в такое кошмарное время, которое чревато для человечества разрушительными последствиями.

Покойный Максимов неустанно разоблачал кремлевских рабовладельцев, фальшивых коммунистов, лже-социалистов и фиктивных демократов. Таких интеллигентов, каким был т. Максимов, очень деменно. Ведь сколько интеллигентов-рабов обожествляло и обожествляет тиранов! В лице Максимова анархизм потерял неутомимого борца за свободу и справедливость для всех. Он отдал всю свою жизнь служению идее анархизма. Этот истинный друг трудящихся ушел от нас навсегда. Память о нем навсегда останется в наших сердцах. **С. Медвиг.**

▲
Уважаемые товарищи! Выражаю мое глубокое сочувствие и безграничную скорбь по случаю смерти Григория Петровича Максимова, незабвенного великого борца за полное освобождение трудящихся всего мира, посвятившего всю свою жизнь неустанной борьбе за свободу, социальную справедливость и равенство для всех.

Товарищ Максимов ушел от нас в вечность, но его дела и мысли навсегда останутся с нами. Потеря Максимова окутывает меня печалью. Среди тревог земных и страданий огонь души его пылал: он нас, обиженных, гонимых, к борьбе с неправдой призывал. **С. А. Гуменюк.**

▲
Дорогой друг Волков! Ваше извещение о смерти нашего дорогого товарища Максимова меня глубоко всколыхнуло: я пытал к нему чувства доброй воли и уважения за его искренность, честность в мыслях и стремление к совершенству. Действительно, вы правы, что русское анархическое движение в Америке лишилось своей опоры, но оно, как истина, не уйдет за его телом в могилу: оно будет продолжать свою жизнь и развиваться. Не уйдет в могилу и его дух, а будет витать среди тех, кто любит свободу и правду, и способствовать развитию в пышный цвет этого идеала. Присоединяюсь к вам в выражении нашей скорби. Мир праху его и блаженная память о нем.

Филипп, Висконсин.

М. Томашевский.

▲
Дорогой Федор Платонович! Обладателю доброго и чуткого сердца, как Максимов, нельзя было допускать перегибков. Одна борьба за кусок хлеба — задача не легкая, а Максимов был воином мирового

го масштаба и сражался на всех фронтах, несмотря на громадный перевес сил противника. Как выдержанный, стойкий борец, он не уступил врагу ни пяди своей позиции. В этом его заслуга. Прискорбно утратить близкого человека, который мог бы еще сделать много доброго для мира. При надлежащих условиях творчество Максимова могло бы продлиться на десятки лет. Но беспощадная смерть унесла его от нас. Выронен факел, освещавший нам путь, и некому его перенять.

Н. Шабаш.

25 марта 1950 г. Вчера получил ваше письмо и страшно взволнован печальной вестью. В лице Г. Максимова мы потеряли одного из наших дорогих отцов, старого анархиста, великого борца-революционера и талантливого публициста. Мы потеряли доброго отзывчивого товарища: это огромная утрата не только для вашего русского общества, но и для трудящихся масс всего мира.

Смерть вырвала из наших рядов Максимова, его не стало среди нас, но мы никогда не забудем за что боролся Максимов, чему служил и какой идеал защищал — свободу, справедливость и равенство для всех. Это идеал анархии, безвластного (свободного) общества. Все это он завещал нам, молодому поколению. Мы обещаем отдать нашу младость и способности продолжению его дела и дела знаменитых предшественников — Бакунина и Кропоткина, делу освобождения трудящихся от ига капитала и власти. Мы будем неустанно бороться со всеми формами насилия и эксплуатации человека человеком и за полное осуществление безгосударственного общества.

Простите, неожиданная смерть т. Максимова и черные воспоминания о Болгарии разбили меня. Мое сердце надывается от боли.

Австрия.

В. Петко.

По случаю смерти нашего общего друга и товарища Максимова чувствую глубочайшую скорбь. Потеря двойная: во-первых, потеря товарища, который всю свою жизнь посвятил светлому идеалу освобождения человечества, во-вторых, потеря идейного руководителя, обладавшего организаторскими и публицистическими талантами. Возместить эту потерю более чем трудно в наш век духовного оскудения. Таких людей, как был Г. П. Максимов, почти нет, но все же будем надеяться, что такие люди появятся в момент наибольших испытаний, которые вот-вот падут на головы спящих рабов и пробудят в них голос протеста. Этот час приближается. В страданиях рождается воля к протесту, будем верить и надеяться.

Мюнхен, Германия.

С. А. И.

Дорогие товарищи! Многим из вас уже известно из газетных сообщений, что умер наш товарищ Г. П. Максимов, редактор нашего журнала "ДТП." Со смертью Максимова в нашем русском анархическом движении образовалась пустота, которую пока нечем заполнить: оно еще больше обеднело.

Не будет преувеличением, если скажем, что Г. П. Максимов за последние 15 лет сделал для нашего движения гораздо больше, чем все мы, вместе взятые. Бывали времена, что он один заполнял весь журнал своими статьями и заметками, а в последние годы он был единственным лектором и органи-

затором в нашем движении. Пусть же смерть Г. П. Максимова послужит для нас предостерегающим сигналом к более тесному сплочению вокруг нашего идейного органа "ДТП."

Анархизм — это широкая дорога, по которой шел Г. П. Максимов. По ней идет множество людей и мы идем по этой широкой дороге. Поэтому, наш долг и наша моральная обязанность защищать и очищать эту дорогу, чтобы она не заросла сорняками. Надо приложить все усилия для того, чтобы наш журнал выходил не меньше одного раза в два месяца. Надо организовать новые группы, издавать нашу литературу и устраивать лекции и доклады по анархизму.

Профсоюз г. Детройта.

Со дня вступления на путь борьбы за социальную справедливость и до последних дней жизни наш дорогой друг и товарищ Г. П. Максимов неустанно и честно работал за восстановление свободы, равенства и братства в человеческом обществе. В продолжение 33 лет он печатно и устно разоблачал предательскую роль большевиков в Русской Революции, срывал с них маску социализма и коммунизма и выставлял их перед рабочим классом в их истинном виде — насильников и порабощителей народов России, именуемой Сов. Союзом.

В годы апатии, разочарования, измены и предательства нескольких анархистов в России в пользу большевизма и нескольких анархистов в США в пользу разnochинной белогвардейщины Максимов узрел в этом смертельную опасность самому существованию анархического движения. Будучи редактором "Рабочего Пути," потом "Голоса Трудника," затем "Дела Труда" и "Дела Труда-Пробуждения," Г. П. Максимов всегда стоял твердо и непоколебимо на защите анархических принципов и разоблачал всех изменников рабочего класса и анархического движения. За эту самоотверженную и безвозмездную работу на общественной ниве мы низко склоняем головы.

Смерть Г. П. Максимова лишила наше движение одного из лучших его работников.

Друзья и товарищи Балтимора.

Уважаемые товарищи! Группа "Дело Труда" г. Монтевидео в Уругвае объявила месячный траур в память умершего в Чикаго дорогого друга и товарища — Григория Петровича Максимова, многолетнего редактора журнала "ДТП." Его супруге Ольге и всем вам мы выражаем наше глубокое соболезнование.

Группа предложила т. Чернякову написать свои воспоминания о совместной работе с т. Максимовым в России в годы революции до дня их высылки из России после голодовки в Таганской тюрьме в Москве.

Группа "Дело Труда."

Париж, 20-4-50.

Дорогие товарищи!

Печальная весть о внезапной смерти т. Максимова отозвалась болью в сердцах болгарских анархистов заграницей. Мы немедленно сообщили товарищам в Болгарии и в скором времени весть эта дойдет до товарищей в лагерях и тюрьмах и, конечно, отзовется в их сердцах с не меньшей болью.

Имя т. Максимова и его деятельность давно известны в Болгарии. Его статьи, в особенности статьи последних лет, в тех редко получаемых нами номерах журнала читались с большим интересом и

большой пользой. Они всегда представляли серьезное и углубленное изучение проблемы. Мысль его была зрелой, твердо-установленной и ясной.

Очень жаль, что он покинул нас в таком возрасте, когда, благодаря его личному опыту и большой осведомленности о мировых событиях, он был в состоянии принести самую большую пользу пропаганде анархических идей и правильной социальной ориентации не только среди русских эмигрантов, но и в международном масштабе.

От имени всех болгарских анархистов за границей и Федерации Анархо-Коммунистов в Болгарии мы выражаем всем нашим русским товарищам и в особенности подруге покойного Ольге — наше глубокое соболезнование и наши уверения, что великое дело всеобщего освобождения, которому служил Максимов с такой самоотверженностью, теперь находится в крепких руках в Болгарии и будет доведено до скорой победы.

Пусть это будет для всех утешением в той скорби, которую принесла смерть любимого товарища.

Ж. Акратов,

Секретарь Международных связей
Федерации Анархо-Коммунистов Болгарии.

ФОНД ПАМЯТИ Г. П. МАКСИМОВА

На издание трудов покойного т. Максимова и на выпуск посвященного его памяти настоящего номера журнала поступили за май-июнь следующие пожертвования:

И. П. и Н. Н. — 50 д.; через т. Волкова по подписному листу № 58 — 40 д.; через т. Хведченко (лист № 21) — 36.50; шапочный сбор на митинге в память Г. П. Максимова в Лэйбор Темпл—27.90 (154.40).

По 25 долларов: Ал и Малюта Громм, 25-й отдел РООВА (50 д.).

По 10 долларов: В. Макаревич, В. Бондаренко, В. И. Д., В. Савчук, Ф. Краусов, С. Флешин, В. Вершич, С. Горелик, Л. Хрипливый (лист № 17), А. Титаренко, И. Богин, И. Бурдыко (лист № 7), В. Радуха, Два Шахтера (лист № 55), Ольга Максимова; 72 отдел РООВА — 8.50 (158.50).

По 5 долларов: Я. Кульгавчук, М. Мищенко, И. Шор, К. Зеленик, И. Кривошей, В. Ленько, Н. Шабан, А. Стайхоха, Н. Гринюк, С. Черник, С. Мурашко; С. Каминский — 4 д. (59 д.).

Па 3 доллара: Рауль Годец, Б. Гершенфельд, А. Станкевич, Н. Демидович, В. Поляничник (15 д.).

По 2 доллара: Л. Лазарев, И. Ковалев; О. Довгалюк — 1 д. (5 д.). А всего поступило 441.90. Выражаем сердечную благодарность всем жертвователям и надеемся, что остальные товарищи, получившие подписные листы и наше воззвание, тоже откликнутся щедрыми жертвованиями.—Секретарит.

Секретариат Федерации и редакция журнала "Дело Труда-Пробуждение" выражают супруге покойного т. Г. П. Максимова, Ольге, а также всем родным и близким Максимовых свои глубокие соболезнования.

МИТИНГИ ПАМЯТИ Г. П. МАКСИМОВА

ЧИКАГО, Иллинойс. — В воскресенье, 21 мая, в зале Профсоюза портных (Ашланд и Ван-Бюрен ул.) состоялся интернациональный митинг, посвященный памяти незабвенного т. Максимова, созданный группой "Свободное Общество." На этот митинг пришли друзья и товарищи покойного. Председательствовал т. Вайсберг. Речи были произнесены пятью товарищами: Мартин, Дая и Абрамс от группы "Свободное Общество," Томпсон от профсоюза Индустриальных Рабочих Мира и Новин от группы "Дело Труда-Пробуждение."

В своих речах ораторы отметили те или иные моменты в биографии покойного Г. П. Максимова, анализируя его деятельность в русском освободительном движении, как в годы юности, а также во время Русской Революции 1917-20 гг., так и в годы эмиграции за последние 30 лет. Во время революции в России Максимов принимал в ней непосредственное и весьма активное участие, как один из выдающихся организаторов и руководителей анархического движения, за что подвергался частым арестам со стороны большевического правительства, которое в марте 1921 г. изгнало его, вместе с группой других анархистов, из пределов России. Были перечислены также литературные работы Максимова, как уже напечатанные, так и оставшиеся в рукописях и подлежащие изданию.

Все ораторы, лично хорошо знавшие покойного Г. П. Максимова, отзывались о нем с глубоким чувством уважения и скорби, воздавая должную оценку его заслугам, как великому идеалисту и неустанному работнику анархического движения, так и человеку-гражданину, живо откликавшемуся на все текущие моменты общественной жизни. На этом митинге было собрано 110 д. на издание трудов Максимова, как на лучший для него памятник.

Среди нас нет больше т. Максимова, но слова и дела его, хранящиеся в умах и сердцах всех, кто неустанно стремится к безвластию и справедливости, будут жить вечно. И путь его к свободе и равенству будет продолжаться.

И. Волков.

Другой такой же митинг в память Г. П. Максимова был устроен 25 мая в "Лэйбор Темпл" на 14 улице в г. Нью Йорке. Председательствовала Нина Николаевна. С речами выступали: А. Зак (по-русски), Сэм Винер (по-английски) от Индустриальных Рабочих Мира, Джэк Фрейгер (по-английски) от группы "Нью Трендс," Джон Беффелл от американской Лиги Взаимной Помощи и д-р И. В. Ильчук, почетатель Максимова.

Ораторы отметили в своих речах те или иные выдающиеся моменты в жизненной деятельности т. Максимова, черты его характера или его душевные качества. Все они говорили о покойном т. Максимова с чувством глубокого уважения и соболезнования, давая должную оценку его заслугам, как бескорыстному идеалисту-гуманисту — неутомимому работнику анархического движения, живо откликавшемуся на текущие события общественной жизни.

На издание трудов Г. П. Максимова было собрано 40 долларов.

Земляк.

**ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ**

БИБЛИОГРАФИЯ Г. П. МАКСИМОВА

В настоящем перечне работ Г. П. Максимова отсутствуют многие из его статей, напечатанных во время Русской Революции во многих газетах и журналах в России и за ее пределами.

Несмотря на эти пробелы, мы все же думаем, что эта библиография даст возможность оценить труды Максимова.

Мы будем употреблять следующие сокращения: "ГТ"—"Голос Труженика," выходивший в Чикаго; "РП"—"Рабочий Путь," выходивший в Берлине; "В"—"Волна," выходившая в Нью Йорке; "ДТ"—"Дело Труда," выходившее в Чикаго; "ДТП"—"Дело Труда-Пробуждение."

Г. П. Максимов оставил после своей смерти следующие работы:

The Guillotine at Work. Twenty Years of Terror in Russia. (Data and Documents). Chicago, 1940, 624 pages.

Bolshevism. Promises and Reality. Glasgow, England, 24 pages.

Первое издание в 1935 г., второе в 1937 г.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. 8 стр.

Как и почему большевики изгнали анархистов из России. 32 стр. Издано в США.

Вместо Программы. 42 стр. Берлин, 1922.

Мое социальное кредо. 24 стр. Чикаго, 1933.

Рассвет — проводник русского фашизма. 24 стр.

Беседы с Бакуниным. 48 стр. Чикаго, 1934.

Статьи:

Основные задачи анархо-синдикализма. "Московский Набат," № 3, 1919 г.

1922 год

К пролетариям всех стран. "ГТ," № 186.

Организация общества без диктатуры. "ГТ," № 189.

Революционное синдикалистическое движение в России. "ГТ,"

Международное профессиональное движение и задачи анархо-синдикализма и революционных синдикалистов. "ГТ," № 183, 190, 191.

Революция умерла—да здравствует революция. "В," № 28.

Большевизм, революционный синдикализм и анархизм. "В," № 32-35.

Анархо-синдикализм и анархизм в России. "ГТ,"

Маленькое недоразумение. "Гильфруфе."

1923 год

Заграничное Бюро по созданию Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов. "ГТ,"

Месяц великих революционных бурь. "РП," № 1.

В годы войны. "Летопись Революции." Берлин.

Юлий Осипович Мартов. "РП," № 2-3.

Социализм, анархизм и русская революция. "В," № 40-41-49.

В защиту русского пролетариата. "РП," № 4.

Синдикализм. "РП," № 6.

Антимилитаризм в России. "В," № 46.

Резолюция по делу И. Гроссмана-Рошина и "Группы русских анархистов." "ГТ," № 209.

Постановление о роспуске Заграничного Бюро по созданию Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов. "ГТ," № 212.

Вехи. "ГТ," № 215.

Слиявший коммунизм. "ГТ," № 225.

1924 год

Синдикализм. "ГТ," № 229.

Петр Алексеевич Кропоткин и синдикализм. "ГТ," № 232.

Двери захлопнулись — человека не стало. "ГТ," № 234.

1925 год

Интриги г-на Утина. "ГТ," № 3.

Август Карлович Родэ-Червинский. "ГТ."

Старые цепи милее свободы. "ГТ," № 9-10.

Позиция анархистов в русской революции. "ГТ," № 9, 10, 11, 12 и 13.

По газетам и журналам. "ГТ."

Классовая борьба и И. Р. М. "ГТ," № 11.

Форма и принципы организаций пролетариата. "ГТ," № 12.

Положение пролетариата в Советской России. "ГТ," № 13.

Скромный юбилей. "ГТ," № 13

Траурный месяц. "ГТ," № 13.

Восьмая годовщина октябрьской революции. "ГТ."

Ответ Якову Санжуру. "ГТ," № 13.

Ответ Е. Ярчуку. "ГТ," № 13.

Вопросы политической экономии. "ГТ," № 14.

Историческая миссия рабочего класса. "ГТ," № 14.

Вопросы общественного строительства. "ГТ," № 14.

1926 год

Цели рабочего объединения. "ГТ," № 15.

Прибавочная ценность. "ГТ," № 16.

Обзор книг Отверженного и Борового. "ГТ," № 16.

Достижения науки в 1925-ом году. "ГТ," № 16.

Индустриальные союзы — ячейки нового общества. "ГТ," № 16.

Хроника международного рабочего движения. "ГТ."

Профессиональные союзы, партия и положение пролетариата. "ГТ," № 16.

Почему проиграна угольная забастовка. "ГТ," № 17.

Месяц великих революционных бурь. "ГТ," № 17.

Переходный период. "ГТ," № 18.

Вопросы политической экономии. "ГТ," № 18.

Две тактики. "ГТ," № 18.

Анархисты ли современные анархисты? "ГТ," № 18.

Гениальность Ленина. "ГТ," № 18.

Чему учит забастовка в Пассэике. "ГТ," № 18.

О Вовах и Вовочках, которые приспособляются. "ГТ," № 18.

Пильсудчина. "ГТ," № 20.

На защиту Сакко и Ванзетти. "ГТ," № 20.

Анархическое движение в России до 1917-го года. "ГТ," № 20.

Текущий момент и задачи пролетар. "ГТ," № 21.

"Голос Труженика" живет. "ГТ," № 21.

1927 год

С новым годом! "ГТ," № 22.

Проблема насилия в революции. "ГТ," № 22.

Заметки. "ГТ," № 22.

Беседы с Бакуниным. "ГТ," № 23-26.

Свободу пленникам лесных баронов. "ГТ," № 23.

Петр Алексеевич Кропоткин. "ГТ," № 23.

Новая волна террора. "ГТ," № 24.

Десять лет. "ГТ," № 24.

О ненависти к евреям. "ГТ," № 25 и 26.
Первое Мая. "ГТ," № 25 и 26.
Пробуждающаяся Азия. "ГТ," № 25 и 26.

1930 год

Василий Семенович Хомич. "ДТ," № 58-59.
Яков Яковлевич Коган. "ДТ," № 60-61.

1931 год

Кропоткин и Синдикализм. "Интернациональный Сборник." Чикаго.
Предисловие к "Интернациональному Сборнику."
Примечания к "Интернациональному Сборнику."
Петр Кропоткин. "ДТ," № 62-63.
Итоги 14 лет большев. режима. "ДТ," № 66.
Максим Раевский. "ДТ," № 66.

1932 год

Мировое страдание. "ДТ," № 67.
Новый Муни (Вильям Джонс). "ДТ," № 67.
Свобода Джонсу и Гангауэру. "ДТ," № 68-69.
Шанхаизация мира. "ДТ," № 68-69.
Первое Мая. "ДТ," № 70-71.
Единый фронт против "Дела Труда." "ДТ," № 72.
Неотложная задача. "ДТ," № 72.
Мое социальное кредо. "ДТ," № 72, 73, 74.
Анархическая программа. "ДТ," № 73.

1933 год

Мария Корн. "ДТ," № 74.
В союзе советских социалистических республик.
20-я конвенция Индустриальных Рабочих Мира.
Александр Наумов. "ДТ," № 74.
Рудольф Рокер. "ДТ," № 75.
Успехи коллективизаций. "ДТ," № 75.
Мария Исидоровна Гольдсмит—М. Корн. "ДТ," № 75.
Нью Дил или либеральный фашизм. "ДТ," № 76.
"Рассвет"—проводник русского фашизма. "ДТ," № 76.
Михалковский. "ДТ," № 76.
"Дело Труда" и "Пробуждение." "ДТ," № 76.
Отчет о моей лекционной поездке. "ДТ," № 76.
Что обещали и что дали. "ДТ," № 77.
Почему я за признание СССР. "ДТ," № 77.
"Пробуждение" и анарх. движение. "ДТ,"

1934 год

Пролетарии всех стран, перевооружайтесь! "ДТ," № 78.
Почему "Дело Труда" и "Пробуждение" не желают объединиться? "ДТ," № 78.
Беседы с Бакуниным. "ДТ," № 79, 80, 81, 82.
Первое Мая—день борьбы с реакцией. "ДТ," № 79.
Знаменательное явление. "ДТ," № 80.
Наглядные уроки всеобщей стачки. "ДТ," № 81.
Эрих Мюзам. "ДТ," № 81.
Отчет о лекционном туре. "ДТ," № 81.
Конференция Федерации. "ДТ," № 82.
О нашем отношении к войне. "ДТ," № 82.
Господин Сталин строит социализм. "ДТ," № 83.
Умер Николай Константинович Лебедев. "ДТ," № 83.
Мы и Россия. "ДТ," № 83.
21-ая конвенция Индустриальных Рабочих Мира. "ДТ," № 83.

1935 год

Нестор Махно и погромы. "ДТ," № 84.
С новым годом! "ДТ," № 84.
Причины убийства Кирова, его последствия и его значение. "ДТ," № 85.

Предварительный отчет о лекционном туре. "ДТ," № 85.

Страшные люди. "ДТ," № 86.
Резолюция, предложенная Г. Максимовым на диспуте в Чикаго. "ДТ," № 86.
Революция или контр-революция в России. "ДТ," № 87.

Десять лет. "ДТ," № 88.
Смысл Вашингтонского протеста. "ДТ," № 88.
За независимые санкции рабочего класса. "ДТ," № 89.
Декабрист, Павел Иванович Пестель. "ДТ," № 89.

1936 год

Умер Алексей Алексеевич Боровой. "ДТ," № 90.
Стахановщина. "ДТ," № 90.
Не забудем Чикагских мучеников. "ДТ," № 91.
То, что невероятно даже в Америке, вероятно в СССР. "ДТ," № 91.
Александр Беркман. "ДТ," № 92.
Испания, кровью омытая. "ДТ," № 93.
На помощь испанским борцам. (Листовка.)
16. "ДТ," № 93.
А фашисты все таки будут разбиты. "ДТ," № 94.
Вещи без маски. "ДТ," № 94, 96, 97.

1937 год

Сталинская конституция. "ДТ," № 95.
Социальные реформы Рузвельта. "ДТ," № 95.
Испанская революция и гражданская война. "ДТ," № 96.
Русский Март. "ДТ," № 96.
Марксистский саботаж единства рабочего класса.
Письмо конференции Федерации Русских Анархо-Коммунистических групп США и Канады к Н. К. Т. Испании и Ф.А. Иберии. "ДТ," № 96.
Сидячие забастовки. "ДТ," № 96.
Восстание против анархистов. "ДТ," № 97.
Отчет ред. коллегии Конференции. "ДТ," № 97.
Русский Наполеон пришел. "ДТ," № 98.
50-я годовщина Чикагских анархистов. "ДТ," № 99.
Заявление Г. Максимова по поводу неэтичного поступка газеты "Рассвет." "ДТ," № 99.

1938 год

После большевизма, что? "ДТ," № 98, 99, 100, 101, 104, 105, 106.
Кусочки кровавой хроники. "ДТ," № 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105.
25 лет русского анархического движения в Сев. Америке. "ДТП," № 100.
Страна государственного рабства. "ДТ," № 100.
Материалы к изучению русского анархического движения в США и Канаде. "ДТ," № 100.
Будет война? "ДТ," № 101.
Внешнее поражение России. "ДТ," № 101.
Два года борьбы. "ДТ," № 102.
Семидесятилетие русской анархической прессы (1868-1938). "ДТ," № 103.
Боятся победы над фашизмом. "ДТ," № 104.
Выстрел Гершеля Гриншпана. "ДТ," № 104.
Карл Каутский. "ДТ," № 104.

1939 год

Торжество уголовщины. "ДТ," № 105.
Массовый террор против рабочих. "ДТ," № 105.
Эмиль Вандервельде. "ДТ," № 105.
Шарль Мато. "ДТ," № 105.
С. Яновский. "ДТ," № 105.
Андрей Луференко. "ДТ," № 105.
Кто — провокатор? "ДТ," № 106.

Будет ли европейская война? "ДТ," № 106.
Поможем испанским братьям. "ДТ," № 106.
Террор против рабочих. "ДТ," № 106.
Бакунин в Кенигштейне. "ДТ," № 107.
М. А. Бакунин. "ДТ," № 107.
Революционный катехизис. "ДТ," № 107.
Вениамин Р. Тукер. "ДТ," № 107.
Террор продолжается. "ДТ," № 107.
Цены и продукты в России. "ДТ," № 107.

1940 год

За справедливость всегда! "ДТП," № 1.
Война — почему и во имя чего? "ДТП," № 1.
Яков Санжур. "ДТП," № 1.
Год войны. "ДТП," № 2.
Убийство Льва Троцкого. "ДТП," № 2.
Эмма Гольдман. "ДТП," № 2.
Мы и Россия. "ДТП," № 2.
Жан Грав. "ДТП," № 2.
Политика русской бюрократии. "ДТП," № 2.

1941 год

Петр Алексеевич Кропоткин. "ДТП," № 3.
По наклонной плоскости. "ДТП," № 3.
Революционное оборончество. "ДТП," № 4.
"Хлеб и Воля." "ДТП," № 4.
Давид Максимович Елак. "ДТП," № 4.
После войны что? "ДТП," № 4 и 5.

1942 год

П. А. Кропоткин и война. "ДТП," № 5.
Заметки из блок-нота. "ДТП," № 5.
Налоги и война. "ДТП," № 5.
Не мешает знать. "ДТП," № 5.
Вещи без маски. "ДТП," № 5.
Из истории Союза И.Р.М. "ДТП," № 5.
Свобода требует победы. "ДТП," № 5.
Третья сила. "ДТП," № 6.
М. А. Бакунин и Парижская Коммуна. "ДТП," № 6.
Русский народ голодает. "ДТП," № 6.
Почему Россия, а не Союз Советских Социалистических Республик? "ДТП," № 6.
Великобританский империализм и война в Азии.
Люси Парсон погибла в пламени. "ДТП," № 6.
Знаменитый узник 20-го столетия. "ДТП," № 6.
Надвигается страшный голод. "ДТП," № 7.
Мировая Федерация. "ДТП," № 7.
Американская пресса о продовольственной проблеме России. "ДТП," № 7.
Английская помощь на Кавказе и Сталин. "ДТП," № 7.
Вера Николаевна Фигнер. "ДТП," № 7.
Том Белл. "ДТП," № 7.
Пьер Рамус Гросман. "ДТП," № 7.
Себастьян Фор. "ДТП," № 7.
Капитализм и война. "ДТП," № 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13.
Поспешим на помощь. "ДТП," № 8.
Конструктивный характер учения Кропоткина. "ДТП," № 8.

1943 год

Русские победы и второй фронт. "ДТП," № 9.
Под каким углом нужно рассматривать русские победы и борьбу против нацизма. "ДТП," № 9.
Фиаско Гитлера на Украине. "ДТП," № 9.
Убийство Карла Треска. "ДТП," № 9.

1944 год

Рабочая конференция и АФТ. "ДТП," № 12.

1945 год

Вечный мир. "ДТП," № 14.

Макс Нетлау. "ДТП," № 15.
Христиан Корнеллисен. "ДТП," № 15.

1946 год

Всеволод М. Эйхенбаум (Волин). "ДТП," № 16.
Иван Алекс. Юдин. "ДТП," № 16.
Злоба дня. "ДТП," № 17.
Эсфир и Осип Жаба. "ДТП," № 17.
После Великой Войны? "ДТП," № 18.
Власовщина. "ДТП," № 18.
Никита Ромаш. "ДТП," № 19.
Давид Поляков. "ДТП," № 19.
Государство и порядок. "ДТП," № 19.

1947 год

Всероссийский голод. "ДТП," № 21.
Фриц Катер. "ДТП," № 21.
Россия после 30-и лет диктатуры. "ДТП," № 23.

1948 год

Всероссийский голод продолжается. "ДТП," № 24, 25.
Трещина в компансалистской империи. "ДТП," № 26.
Почему мы против Сталина? "ДТП," № 26.
Голодовки в России. "ДТП," № 27.

1949 год

Величайшая Революция. "ДТП," № 28.
Протест против протеста. "ДТП," № 29.
Борис Еленский. "ДТП," № 29.
Борьба за пенсию. "ДТП," № 31.

Рукописи:

Научный анархизм. — Систематическое изложение учения М. А. Бакунина. 595 стр.
Гильотина за работой (Издана на английском). 353 страницы.
Конструктивный анархизм. 128 стр.
Божеская и человеческая мораль. 67 стр.
Иисус Христос и евангелие в свете науки. 101 стр.
Библия в свете науки. 74 стр.
Красный Профинтерн или Международное Товарищество Рабочих. 50 стр.
Банкротство государственного социализма. 87 стр.
Зарождение Махновщины. 17 стр.
Анархизм в Европе. 43 стр.
Пути осуществления социализма. 28 стр.
Централизм и Федерализм. 50 стр.
Чем может кончиться война? 15 стр.
Приведет ли к фашизму падение большевизма? Дневник, 1917-ый год. 142 стр. М. Г.

"Истина — не абстракция и не продукт личного произвола, а только наиболее логичное выражение тех начал, которые живут и действуют в массах. Массы иногда, по близорукости и невежеству, отвлекаются в сторону от столбовой дороги, ведущей прямо к их цели, и нередко становятся в руках правительств и привилегированных классов орудием для достижения целей, решительно противных их существенным интересам." — М. А. Бакунин.

АНАРХИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Часто приходится слышать со всех сторон упреки и жалобы, что мы, анархисты, не имеем программы и что наша "беспрограммная" пропаганда — сплошная фантазия, непонятная для большинства трудящихся. Многие из анархистов-агитаторов и пропагандистов молчаливо соглашались с этими упреками. На самом деле это совсем не так. Анархическая программа очень проста, кратка, ясна и доступна пониманию каждого. Ее не знают и не видят противники, потому что им невыгодно ее видеть; "друзья" не видят по лени, многие же агитаторы и пропагандисты анархизма соглашались с ее отсутствием по неумению сформулировать ее. В целях устранения всего этого мы показываем, что анархическая программа может быть выражена в следующих кратких словах.

Цель

а) Замена существующего политического строя анархией, т.е. добровольным союзом коммун в области, областей в нации и наций в интернациональную конфедерацию.

б) Замена существующего экономического строя коммунизмом, основной принцип которого — от каждого по силам, каждому по потребностям.

в) Замена существующей религиозной и государственной нравственности естественной моралью, покоящейся на свободе, равенстве и солидарности.

Наша цель, таким образом, сводится к организации общественного порядка без бога, без правителя и без хозяина.

Осуществление

Осуществление анархии и коммунизма возможно только насильственным, революционным ниспровержением государства, уничтожением частной собственности и классов, т.е. путем социальной революции, во время которой происходит захват промышленности — рабочими производственными союзами, распределения — кооперацией и экспроприация государства самоуправляющимися коммунами.

Методы борьбы

Пропаганда и агитация. Прямое действие: лезель, бойкот, саботаж, массовый неплатеж налогов, пассивное сопротивление, итальянские забастовки, массовые демонстрации, частные стачки и всеобщие стачки, переходящие, при благоприятных условиях, в социальную революцию.

Повседневная деятельность

Активное вмешательство в повседневную жизнь и участие в классовой борьбе.

Борьба за политические свободы: слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенности личности и жилища и т. д.; борьба за ослабление силы государства; борьба с милитаризмом и национализмом; борьба за расширение экономических завоеваний рабочего класса: уменьшение рабочего дня, повышения зарплаты, ограничение прав предпринимателей и администрации при помощи заводских комитетов или производственных союзов, борьба со стачколомством, борьба против "инджонкшен", борьба за свободу пикетирования и т. д.

Активная работа по организации революционных производственных и иных рабочих союзов и революционизировании существующих массовых рабочих организаций.

Организация

В целях успешного выполнения намеченной программы анархисты объединяются в самостоятельные идейные группы, группы в федерации, а федерации в конфедерации.

Членом анархической группы может быть каждый, разделяющий ее программу и неэксплуатирующий чужого труда. Порядок приема в члены определяется каждой группой в отдельности.

Г. П. Максимов.

("Дело Труда," № 73, 1932 г.)

На Смерть Г. П. Максимова

Ах, какое горе, горе и беда!
Обеднело наше Дело-то Труда.
Как же нам не плакать и как не рыдать?
Кто ж передовицы будет нам писать?
Опытный редактор, что и говорить.
Рано оборвалась жизни его нить...
Человек идейный, анархист душой,
Мыслил он широко с большой глубиной.
Чтить мы будем память, друг наш, о тебе.
Искру вздуем в пламя, что зажег в труде.
Анархии солнце засияет вскоре,
Но тебя нет с нами: это наше горе.
Все же мы не можем долго горевать:
Ты нам заповедал смело воевать
С ложью, злом, неправдой, горем и нуждой.
Много дал работы. Твой завет большой.
И, как ты, клянемся на посту стоять;
В бой последний рвемся, будем побеждать.
Монтевидео. А. Черняков.

В ЧЕМ НАША ВИНА?

Есть нечто символическое в том, что Христос был распят между разбойниками. Это доказывает, что всякая возвышенная идея, если она только вступает в конфликт с властью предрержащими, обязательно будет втоптана в грязь. Ярким примером в этом отношении является анархизм. В то время как некоторые противники считают анархизм утопией, т.е. идеей слишком высокой и не приемлемой для грешной земли, другие, наоборот, низводят его на ступень обыкновенной уголовщины. И так так эти последние составляют большинство в современном обществе и к тому же почти всегда держат в своих руках бразды правления и все средства пропаганды, то вполне понятно, почему в представлении простого обывателя анархисты рисуются какими-то страшилищами.

Вспоминается один случай: в помещении Союза Русских Рабочих в штате Коннектикут застал молодой американец. Называл он себя анархистом и вообще оказался весьма словоохотливым. Из его слов, между прочим, мы узнали, что у него есть любимая девушка, нисколько не интересующаяся социальными проблемами. В кругу своих подруг эта девушка не замедлила доложить, что избранный ее сердца увлекается анархизмом. Подруги, услышав это, в один голос ахнули: "И ты не боишься ходить с анархистом?!" Молодой человек рассказывал нам это, как анекдот, но в этом анекдоте больше печального, чем смешного. Это доказывает, что люди, не успевшие еще вкушать плода от древа жизни, уже поставлены пропагандой на ложный путь. Они еще не знают, что такое жизнь, но уже думают, что анархистов нужно бояться.

Для того, чтобы выставить анархистов в виде головорезов, власть имущие неизменно ссылаются при этом на террористические акты учиненные в прошлом анархистами. Следует, поэтому, несколько подробнее остановиться на этом вопросе. Прежде всего: что такое террористический акт?

Террористический акт может быть назван: 1) личными корыстными целями — соперничеством за власть; 2) может носить общественно-политический характер, когда добиваются известных социальных реформ; 3) в террористическом акте может участвовать лишь одно лицо, его совершающее, или 4) — целые организации; 5) террористические акты бывают осмысленные, во всех

отношениях оправданные, или 6) — бессмысленные и не нужные.

История человечества обильно усеяна этими актами, особенно актами первого порядка, т.е. соперничества за власть. Во всех странах и государствах, где только был трон, этот последний стоял буквально в лужах крови. Вспомним хотя бы, что делалось в России вокруг трона: все время шла грызня, интриги, заговоры и убийства. То отец убивал сына, то сын — отца. Екатерина заняла трон, отослав на тот свет мужа, Александр I переступил через труп отца и тем самым поправ не только человеческие, но и божеские законы — пятую заповедь. Однако, никто не называет Екатерину или Александра разбойниками. Нигде не был издан закон, загоящий монархическую партию в подполье.

В Соединенных Штатах три президента умерли насильственной смертью: Линкольна убил демократ, Гарфильда — республиканец, Мак-Кинли — анархист. Только в последнем случае вашингтонские законодатели проявили особенное рвение: они провели закон, налагающий кару на ВСЕХ анархистов. Закон этот и до сих пор остается в силе несмотря на то, что он находится в явном противоречии со всеми понятиями о праве и справедливости.

Если ВСЕ анархисты должны отвечать за действие ОДНОГО человека, то на таком же основании ВСЕ демократы должны отвечать за смерть Линкольна и ВСЕ республиканцы — за смерть Гарфильда. Если же демократов и республиканцев нельзя обвинять, так как убийства носили личный характер, а партия, как целое, не отвечает за поступки отдельных личностей, то на этом же основании нельзя обвинять и анархистов, ибо убийство Мак-Кинли тоже носило личный характер: Чоккаш не имел директив от анархических организаций (да он и не принадлежал к анархическим организациям). Он действовал исключительно по своим личным побуждениям. Все это было доказано на суде, но это нисколько не помешало вашингтонским законодателям провести несправедливый закон.

Указывают иногда на революцию: революция, дескать, насилие. Анархисты — за революцию. Следовательно, они — насильники. Такое толкование революции — ложно. Революция, как ее понимают анархисты, не на-

силе, а освобождение от насилия. Разорвать оковы не есть акт насилия, остановить руку, истязющую подчиненного, тоже не будет насилие. Именно в таком виде рисуется анархистам революция: это КОНЕЦ насилия, а не его НАЧАЛО. В чем же тогда наша вина?

Вина наша в том, что мы говорим ПРАВДУ. Известно, что правда глаза колет. Известно также и то, что за правду бьют. Иисус Христос говорил правду (до известной степени) и за это его распяли. Сократ говорил правду и его заставили принять яд. Галилей говорил правду — его осудили. То же самое и анархисты: они говорят правду и за это их преследуют.

Один английский ученый, живший в то время, когда судили Галилея, заметил: если бы математические истины подтачивали интересы правящих лиц, то и против этих истин были бы предприняты жесточайшие гонения. Совершенно верно! Математика оставлена в покое потому, что она ничьих интересов не подрывает.

Церковники теперь пытаются связать религию с наукой. Они доказывают, что религия якобы не противоречит науке. Но они ничего не говорят о том, что всего лишь несколько столетий тому назад отцы церкви убивали людей за то, что те провозглашали научные истины. Вот уж доподлинно типы, про которых сказано: "где чуют, там и ноют." Кажется, никто не способен так быстро "линять," видоизменяться и приспосабливаться, как главари церкви. Сколько метаморфоз произошло на наших глазах! Пока в России был царь — церковь была за царя; пришел Керенский — церковь была за Керенского; укрепились большевики — церковь за большевиков. Настоящие хамельоны. Этим и объясняется, почему церковь, громившая когда-то науку, теперь сама пытается принять научную осанку.

Однако, мы отклонились. Итак, наша вина в том, что мы, как некогда Галилей, осмеливаемся утверждать истину. В те времена власть находилась в руках церкви, а теперь она — в руках частного и государственного капитала. Тогда церковь бесилась из-за боязни торжества правды, а теперь частные и государственные капиталисты бешутся из-за этого же. И как церковь не могла воспрепятствовать росту науки, так и капиталисты не смогут заслонить пробивающийся свет правды. Придет время, когда люди будут говорить об анархистах то же самое, что мы сейчас говорим о Галилее. Правда, в конце концов, восторжествует.

Современные ироды творят гораздо больше несправедливостей, чем их предшественник, и всем тем, кто осмелится их обличать, грозит участь Иоанна Крестителя. Анархисты самые опасные обличители. Другие критики, если и критикуют существующую несправедливость, то лишь с той целью, чтобы критикуемое зло заменить своим злом. С корнем зла они не уничтожают. Они хотят лишь перемены декораций, а потому они и не так уж опасны, ибо, в крайнем случае, можно перекраситься и перекочевать в их стан, что на практике мы и наблюдаем. Сколько бывших защитников самодержавия теперь находится в стане большевиков! Анархисты же совершенно искореняют всякую социальную несправедливость. Они до чиста выметают сор, производят самую тщательную дезинфекцию, от чего погибают все вредоносные микробы.

Карьеристам совершенно нечего делать среди анархистов, ибо с торжеством анархии исключается всякая возможность личной наживы. Отсюда вполне понятно, почему все те, кому хорошо живется при несправедливом строе, так озлоблены против анархистов и так нелепо клеветают на них.

Давно известно: чем больше человек чувствует за собой вину, тем хуже он боится правды и тем сильнее клеветает на своих обличителей. С другой стороны: чем бескомпромисней обличитель, тем больше на его долю выпадает скорпионов. Драконовские законы, направленные против анархистов, лишь подтверждают это, ибо анархизм — полная противоположность несправедливости. На одной чаше весов — несправедливость, на другой — анархизм: кто кого перетянет.

Эти же драконовские законы подтверждают правильность анархического учения. Если бы анархизм не был учением о социальной справедливости, то анархисты так жестоко не преследовались бы. Сильные мира сего, топча сапожками ростки анархизма, тем самым доказывают, что они не могут ничего, кроме полицейской дубинки, противопоставить анархизму. Грубая сила и, вдобавок к ней, клевета — единственные их "аргументы." Или зажатие рта, или обливание помоями — это все, что анархисты получают от своих противников. Доказать несправедливость анархизма, поколебать его высокую этическую нить никто не может. Но хулить каждый может. Вот и распоясались: мы — разбойники, бандиты, головорезы и все, что хотите, но только не люди со справедливыми требованиями.

ЧТО СОЗДАЕТ НАСИЛИЕ?

Часто можно слышать такие недоуменные вопросы: "Почему большевики так жестоки? Почему они так легко уничтожают людей? Откуда эта свирепость у НКВД: ведь они же — люди?"...

Вопросы, конечно, не праздные. На свете ничего не делается без причины, даже самое пустяковое. Но почему эти вопросы ставятся исключительно в отношении большевиков? Разве раньше никогда не было террора, каторги, казней или эксплуатации труда? Дело здесь в том, что большевики затмили своим политическим садизмом жестокость прошлых веков и тем самым сосредоточили внимание всего человечества на своих жестокостях. А ведь стоит только заглянуть в глубь столетий и картина получается одна и та же, независимо от того, кто правил государством: изверг или "благословенный" жестокий или добрый, монархист или "коммунист". В стране, как и теперь, происходили аресты, пытки, казни, существовали бессовестная эксплуатация труда, рабство, крепостничество.

Неограниченная власть, предоставляемая человеку, создает деспотизм, а отсюда насилие. Вспомним застенки Малюты Скуратова в царствование Ивана Грозного и боярина Стрешнева при Петре Первом. Чем способны дознания при этих преобразователях России: подымание на дыбу, раздробление суставов, вливание в горло расплавленного олова, были гуманней большевистских? Вспомним Аракчеевщину при Александре Первом, вспомним его брата, Николая Первого, которого за истязание солдат и крестьян прозвали Николаем Палкиным. Вспомним царствование последнего императора, когда в охранках и жандармских управлениях топтали ногами, вывертывали суставы и избивали до полусмерти политических арестованных. Вспомним зверей в образе человека: генералов Дубасова, Трепова, Мина и легион других "гуманистов", сжигающих хутора и села вместе с мужиками и рубивших в лихих кавалерийских атаках безоружных рабочих. Вспомним и кратковременную власть генералов Деникина, Слащева, Колчака, Врангеля и других "спасателей" русского народа, в контр-разведках которых людей подвешивали к потолку за волосы, за половые органы, втыкали под ногти иголки, прищемляли в дверях пальцы и т. п. Нынешняя же власть, учтя опыт прошлого,

создала невиданно-чудовищный институт рабства и насилия.

Марксистская диктатура — это кульминационная точка абсолютизма государственной власти. Дальше идти некуда. Идя в Революции с самыми жизненными лозунгами "советов," большевики, уничтожив политические права, превратились в реакционнейших деспотов. Они использовали весь карательный опыт своих предшественников, возведя жестокость в государственный культ. Они создали специальные "университеты," в которых обучают прикладной палаческой науке. Действительно, вожди большевизма гениальны в своей деятельности! Кто, кроме Ленина, Дзержинского, а потом Сталина мог бы использовать порожденных голодными годами безпризорников? Кому бы пришла в голову мысль, создать будущий кадр работников Государственного Политического Управления из этих несчастных детей, выброшенных голодом двадцатых и тридцатых годов на улицу? Большевики же уже в 20-х годах занялись организацией колоний безпризорных, превратившихся потом в "погран-школы" имени Дзержинского, Менжинского, Ленина, Балицкого, Ягоды и проч. В этих "университетах" они прививали своим питомцам ненависть, бессердечие, жестокость; преподавали наглядные методы шпионажа, провокаторства, истязания, допросов; демонстрировали перед ними орудия и аппараты пыток. Вот откуда у большевиков взялся кадр работников ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ, кадр, который не имеет понятия о милосердии, о чести, о порядочности. Эти индивидуумы не понимают, что означает слово: отец, мать, друг, ближний. Зато они великолепно знают слово "враг." Это своего рода псы-овчарки, которые не рассуждают и не мыслят. Стоит ихним хозяевам произнести слово "враг" и они бросаются на жертву, хватают ее за горло.

Совсем не случайно, что в среде белой эмиграции сейчас происходит тяготение к большевизму, к возвращению на родину, к вхождению в союзы "советских патриотов." Эти бывшие князья, генералы, помещики и другие представители высших слоев общества, когда-то имевшие неограниченные права над человеком, интуитивно почувствовали духовную общность, родство с московскими правителями и их потянуло назад. Потянуло еще и потому, что они увидели

восстановление того, что они когда-то создавали: военный устав с мордобитием, пропась между офицером и солдатом, "офицерские собрания," старую форму с золотыми погонами, чины, ордена. Увидели снова власть церкви, патриотизм, национализм, "собрание земель под скипетр Руси," словом, все, на чем раньше держался монар-

хизм, а теперь держится большевизм.

Возвращение бывшего аристократическо-дворянского класса в Россию лишний раз подтверждает родство между всякой властью, а история "прогресса" большевизмского владычества доказывает человечеству несостоятельность, ненужность и вред всякой власти для народа.

Н. М.

МОЛЧАЛИВАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Это произошло на вечере, посвященном памяти П. А. Кропоткина, в день десятилетия со дня его смерти, в 1931 г., в Москве, в клубе политкаторжан.

С большим трудом нам удалось получить разрешение почтить память этого гениального человека, ученого и беззаветного борца за свободу и права человека. Вечер был для нас, более молодого поколения, необычаен, все в нем представляло глубокий интерес. Ведь сюда пришли они, немногие, еще уцелившие, исповедывавшие одну общую идею с ним, с этим светлым духом и глубоким умом. Многие из них такие же прекрасные, самоотверженные герои, имена которых уже были вписаны на страницы великой истории борьбы за освобождение человека.

Первые ряды были заполнены белыми, как лунь, старцами, в лицах которых светилась глубокая вдумчивость, которая бывает только у людей, всю жизнь отдавших служению великой идеи и много страдавших. Это были ветераны борьбы за народную правду, свободу и справедливость. И мы все, весь зал, напряженно следили за первыми рядами, не отрывали глаз от них. Ближе сидевшие к этим рядам задерживали дыхание, чтобы слышать их речи, звук голоса, теперь слабый, а когда-то мощный, вдохновенный... Перед нами была живая история, все герои ее, весь путь их, такой тернистый, самоотверженный и такой страшный тупик, в который попали они сейчас и который мучительно переживали вместе со всем народом России... Невольно вспоминались слова поэта:

"У новых владык под ногами
Вековая погибла мечта."

Очень многие из присутствовавших впервые видели этих замечательных людей, которые на своих плечах вынесли полувековую борьбу, молодость которых была у истоков 60-70 годов. С каким-то волнением в голосе сказал мне мой друг: "Посмотри,"

— и указал мне на старика с большой седой бородой. Что-то величественное и гордое было во всей его фигуре. Это был — Сажин-Росс. И я впервые увидел этого человека, одно время сотрудника великана анархической мысли Михаила Бакунина, этого первого русского пророка новой великой идеи и прозорливого мыслителя, в особенности в оценке марксистского авторитарного социализма.

Я, не отрываясь, глядел на Сажина. Ведь это был живой памятник зары мысли, первых всходов светлых освободительных идей. Ведь это здесь, сейчас мы впервые увидели всех их, прошедших жертвенный путь эпохи 70-80 годов, важнейший этап в развитии народовольческих идей... Рядом с Сажинным стоял другой человек, имя которого уже было написано золотыми буквами в истории борьбы за благо угнетенных. Это была она, наша славная В. Н. ФИГНЕР. Маленькая, худенькая, с удивительно умным просветленным лицом. Я глядел на нее и мне хотелось склонить голову и земно поклониться ей, этой изумительной русской женщине! Какой путь был пройден ею! Сколько железной воли проявила она! Сколько самоотвержения и любви к угнетенному человеку! Трудно себе представить, как такое маленькое, худенькое тело могло вынести многолетнюю борьбу и 20-летнее тюремное заключение. Да и большинство из этих людей вынесли каторгу, ссылку, тюрьму прежнего деспотического режима. И теперь их свобода ограничена не в меньшей степени, чем в былые времена.

Здесь были и другие выдающиеся революционеры прошлого столетия, как Фроленко, Попов, Якимов и др. В первом ряду сидела верный друг Петра Алексеевича, Софья Григорьевна Кропоткина, а подле нее — секретарь и хранитель литературного наследства Кропоткина — Николай Константинович Лебедев, который являлся главным организатором и устроителем этого вечера. После

кратких подцензурных докладов о жизни и деятельности П. А. Кропоткина началась художественная программа.

Среди исполненных номеров необыкновенное впечатление произвела "Сказка" Метнера. Бодрый, радостный, будящий и зовущий мотив прозвучал в ней вначале. Светлые картины рисовались этими льющимися вдохновенными звуками. Свет надежды, тепло веры, ликование любви звучало во всё нарастающей мелодии... Сильная, выразительная "Сказка" захватила публику. Я видел, как светлели лица, зажигались глаза, поднимались выше головы. Какое-то светлое вдохновение захватило всех присутствующих людей. Чудные, светлые дали открывались перед нами. Но вот тонкая, одинокая, еще слабая, нотка тоски влилась в этот хор ликующих звуков. Вот все ширится и ширится мотив грусти, сомнения; разочарование и острая боль уже звучат в ней. Облака прератились в тучи, затмили свет радости, надежды и веры. Темные силы внесли свои мотивы насилия, страдания и жгучей боли. Я весь был во власти этих необычайно сильных, красноречивых звуков. Люди, сидевшие в первых рядах, низко опустили головы на грудь. Взволнованность и страдание были в побледневших лицах.

Это о них рассказывали эти стонущие звуки. Это у них была окрыленность мечты, билась сердца горячей любовью к человеку. Это они шли путем самоотвержения и борьбы к победе, к правде, к торжеству. Это их души омрачили темные силы, вдруг ворвавшиеся в жизнь, ограбившие их, отнявши все плоды их борьбы и многих из их рядов снова бросившие в тюрьмы, в концлагери нового страшного большевистского режима. Они поняли, что эта "Сказка" была таким необыкновенно верным отражением их жизни. Они поняли, что это была песнь их жизни, и каждый остро, глубоко переживал все пережитое так недавно... И эти сильные, закаленные во многих бурях люди, были необычайно взволнованы. В. Н. Фигнер низко опустила голову и закрыла лицо рукой. К ней наклонились сидевшие подле нее друзья, потом бережно взяли ее под руки и увели за кулисы.

Весь зал был потрясен, видя волнение в первых рядах. Послышались вздохи, в глазах многих появились слезы. Все поняли переживаемое ими душевное волнение и разделяли его. Мой друг, сидевший рядом, шепнул мне: "Ничего, у них выпало зная из рук, но мы его подхватим и понесем дальше!"

После пианиста на сцену вышла певица, которая исполнила ряд народных песен. Затем она исполнила "Колыбельную песню" на слова В. Н. Фигнер. Гром аплодисментов ответил на эту песню. Громкие голоса стали вызывать В. Н., тогда артистка под руку вывела ее на сцену.

В. Н. была еще слишком взволнована "Сказкой" и не могла говорить. Она подняла руку вверх. И все поняли ее жест, как призыв к борьбе против существующего насилия, с которым она не могла мириться, и чувствовала глубокую ненависть к новым насильникам-большевикам. Это она отказалась категорически принять от них милость — персональную пенсию, предложенную ей, и жила скудными средствами за свои литературные труды и поддержкой друзей.

Мы все в зале поняли ее жест и гром аплодисментов был ответом на него. А она стояла на сцене старая, слабая, но сильная, как прежде, духом и волей, и еще звала к борьбе.

С чувством глубокой печали и раздумья расходились мы, но каждый уносил в душе обаяние светлых образов этих, уже уходящих со сцены жизни, беззаветных героев. Их мужество, их путь вдохновляли каждого из нас и служили примером для будущих подвигов во имя права и свободы человека. Нет, не погибнет их идея! Не погибнет народная правда! Не пройдут бесследно эти жертвы.

И снова засияет свет истины, подлинно освободительных идей, наших знаменитых соотечественников: Бакунина, Кропоткина и нашей дорогой мученицы В. Н. Фигнер...

Большевистская власть поняла эту молчаливую демонстрацию и ни одним словом не обмолвилась в печати об этом вечере.

А. Алексеев.

ПРИЗЫВ К ТОВАРИЩАМ

ВИНДЗОР, Канада. — Дорогие товарищи! На фоне все возрастающего морального упадка современных правителей и роста человеческого мракобесия, когда преследования всех человеколюбцев и борцов за благо трудового народа приняли форму инквизиции и реакционеры всех мастей все туже затягивают петли на шеях рабочих и крестьян, этих творителей всех мировых богатств, ваш журнал "ДТП" является светочем и надеждой для тружеников земли и заводов. Зная ваше благородство, вашу бескорыстность и честную жертвенность в деле освобождения трудящихся от гнета и эксплуатации человека человеком, шлю с этим письмом 10 д. в фонд издания журнала и от глубины души желаю вам всем пребывать в добром здравии и бодрости.

Кузьма Талан.

СМЫСЛ СЛОВА "СВОБОДА"

Идея свободы, на которой покоится мировой либертаризм, вытекает из самой природы. Например, в самом начале жизни элементы, образовавшие протоплазму, чтобы соединиться и развиться в высшую форму жизни, должны быть свободными. Элементы, которые образовали наш чудесный мир, также соединялись и двигались свободно. Чтобы тело было в хорошем здоровье, циркуляция крови должна быть свободной.

Все мы рождаемся и растем по одному и тому же биологическому закону, отсюда логический вывод: все мы рождаемся равными. Эта идея, как и другие, — признание личности и ее свободы, — которые проклинались на протяжении тысячелетий, ныне признаны современными и включены не только в Биль Прав США, но и в Интернациональную Хартию Объединенных Наций.

Стремление к свободе владело умом человека во все времена, но правители отказывали народу в правах, поэтому революции, освободительные и гражданские войны происходили во всех нациях. В человеческом обществе, следовательно, борются две силы: конструктивная и деструктивная. Первая сила — свобода, без нее человеческий ум не может быть конструктивным и весь человеческий прогресс обязан ей; вторая — сила ограничения, неволя, т.е. сила консерватизма и реакции. Благодаря наличию этих сил проповедь истины была опасной во все времена и остается опасной и ныне: за нее люди умирали и продолжают умирать. Вспомните Сократа, Спартака, Иисуса, Гусса, Галилея, Франциско Ферера и современных борцов за социальную справедливость.

Когда мы объявляем войну верных против неверных, мы не совершаем акта свободы, потому что вера есть убеждение, основанное на моральном принципе, и она не может быть ни изменена, ни навязана силой. Когда мы делаем это, мы не устраняем зло, а лишь передаем его в другие руки, т.е. силой навязываем повиновение, а последнее есть отрицание свободы. Оно означает, что человек, чтобы быть "хорошим" членом общества, должен делать и верить в то, что ему предписывается. Слово повиновение склоняется во всех падежах повсюду: в армии, в школе, в церквях и т.д. Им пользуются для установления контроля над телом и умом народа.

Верить в ограничение человеческого ума, под предлогом сохранения свободы, — величайший абсурд: крест не остановил распро-

странение идей Иисуса, огонь и пытки не остановили ни вращения земли в пространстве, ни идей, которые, с момента изобретения колеса до атомной эры, меняли и продолжают менять лик мира. Носители этих идей, мечтатели свободы — спасители мира. Человечество не может забыть их: их идеи не вянут и не умирают, они живут в нем, ибо свобода велика, как солнце и воздух, и без нее, как без них, никто не может жить и человек будет бороться за нее до смерти. Страшщийся свободы обречен на жизнь циника, с постоянным подозрением, завистью и с постоянной мыслью о злой воле, т.е. в самодельной тюремной дыре; верящий же в свою правоту никогда не будет бояться свободы мысли. Вольтер однажды сказал: "Я не согласен ни с одним вашим словом, но я до смерти буду защищать ваше право говорить." Это самое лучшее определение свободы и человек высоких качеств никогда не будет ни извращать, ни осклонять содержания слова свобода.

Если политические лидеры стран Востока-Запада действительно верят в то, что они говорят о свободе народа, то самое лучшее, что они могли бы сделать для этой свободы, — это прекратить говорить о разделе, вооружении, войне и господстве и больше говорить о мире. Однако, если они хотят освободить нас атомными бомбами или другим оружием, то мы не желаем такого освобождения. Мы не желаем, чтобы цвет человеческой расы, молодежь, снова приносилась в жертву личной жадности или в жертву интересов тех, кто творит зло, чтобы наживаться на нем.

Мы хотим такую свободу, которая дает возможность жить в согласии с природой и разумом, освобождает от страха и унижения, дает возможность наслаждаться жизнью при жизни и устраняет ненависть человека к человеку, как нечто доисторическое.

Народы земли согласны, что прогресс человека, состоящий в духовном совершенстве и в физическом благополучии, есть общая цель человечества, что мир един, что человечество, согретаемое тем же самым солнцем и дышащее тем же самым воздухом, тоже едино, что все мы имеем ту же самую кровь и ту же самую температуру тела и что все мы желаем мира, справедливости и счастья. Если это так, а это именно так, то пусть же с Востока до Запада, с Севера до Юга в сердце каждого звучит свобода и пусть пронесется по миру призывный клич к мировой Коммуне.

Leo Poll.

ЛАГЕРНАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЗБУКИ

Чем меньше в Германии остается "дикий" населения, тем больше становится разных политических партий. Почва для процветания очень благодатная: новая эмиграция. За нее и борются все партии, вырабатывая "программы" одна другой "шире."

Российская эмиграция в Германии представляет собой маленькое зеркало, отражающее большую политическую борьбу. В игрушечных, миниатюрных размерах здесь происходит то, что обычно делается в рамках целого "демократического" государства. Разница в цифрах: в государстве партии представляют десятки и сотни тысяч человек, а здесь только десятки и сотни без тысяч. Да еще в одном разнице: в государстве делят реальную "шкуру," а здесь — шкуру не убитого медведя. Каждая партия обещает в будущем, после ликвидации большевизма, создать в России такой строй, при котором будет осуществлен земной рай.

Решающая политическая сила зарубежья — новая эмиграция как по количеству, так и по энергии. Вначале эта сила, выросшая и воспитанная при тоталитарном большевистском режиме, была ошеломлена свободой политического волеизъявления? Ей на выбор было предложено сразу несколько программ, которые на бумаге излагали довольно привлекательно будущее нашей родины. Новые эмигранты начали поддерживать понравившиеся им партии морально и материально. Но частое соприкосновение с программами и "вождями" показало, что все партии борются не за будущее России и не за улучшение тяжелого положения эмиграции, а, грубо говоря, за содержимое тощих карманов пасомого стада. И постепенно в сознании новой эмиграции чистота политических партийных покровов очень потускнела, особенно после того, как отдельным партиям удалось дорваться до руководства, если не целой страной, то хотя бы одним лагерем.

Приведу выдержку из листовки, выпущенной совместными усилиями САФ и РОНДД (объяснения этим приятным звукосокращениям будет дано ниже).

"В лагере Фишбек (британская зона) около двух лет безраздельно господствовала система управления, созданная партийными солидаристами. Ее "ведущий слой," численностью около 6 процентов к населению лагеря, прочно захватил все административно-хозяйственные должности. Солидаристы за это время полностью осуществили на практике свои "программные" идеалы, превратив

и без того тяжелую лагерную жизнь в совершенно невыносимую. Этот "ведущий слой" почти полностью скопировал широко известную большевистскую систему "счастливой и радостной жизни," вплоть до создания особых закрытых распределителей для господ солидаристов. Малейшее проявление оппозиции к партии немедленно каралось всеми способами, вплоть до высылки из лагеря с волчьим билетом и обвинением в большевистской деятельности."

Картинка, что и говорить, красивая! В нашем журнале о программе солидаристов уже писалось и ожидать от них что-нибудь хорошее не приходится. Но картина лагерной жизни, где свили гнездо не солидаристы, а скажем, монархисты, мало чем будет отличаться. Те же господа из САФ'а, принявшие участие в составлении листовки, тоже не любят, когда высказываются не угодные им мысли и так же подкармливают свой "ведущий слой." И тем, и другим пальца в рот не клади — откусят!.. Какие же партии и за что борются сейчас среди российской эмиграции в Германии?

О солидаристах коротко уже было сказано в нашем журнале. Далее идет СБОНР ("Союз борьбы за освобождение народов России"). Эта партия "демократического" направления, ставшая на платформу лиги Керенского и меньшевиков. Затем АЦО ДНР ("Антибольшевистский центр освободительного движения народов России") — программа его видна из наименования. Для характеристики прибавим, что сюда входят и монархисты. САФ ("Союз Андреевского флага") объединяет царских, белых и владимирских офицеров. РОНДД ("Российское общенациональное народно-государственное движение") ставит перед собой задачу объединения всей российской эмиграции, сохранения антикоммунистических кадров и борьбы с большевизмом. Затем идут "подпартии" монархистов: "деловых," "умеренных," "группы Мейера," "независимых" и просто "чистых" вроде Чухнова, подвизающегося сейчас в Америке. Монархисты имеются почти во всех партиях.

Борьба идет за преобладание, за "власть" в лагерях, за представительство интересов российских народов перед военными властями, а по существу... за дипинский карман и собственное благополучие "вождей" и "ведущего слоя." Основное же дело — объединение российской эмиграции и забота о жизни и расселении никого из этих "политиков" не интересует.

Особенно сильная борьба разгорелась вокруг захвата руководства ЦПРЭ (Центрального представительства российской эмиграции в американской зоне). Это ЦПРЭ хотя и жидковато, но что-то представляло, пока им руководил г-н Юрьев, умевший сдерживать страсти представителей разных партий личным авторитетом. Но вот он уехал и началась свалка. Каждая партия хотела овладеть ЦПРЭ. Но поодиночке — силы не хватало. Начали "объединяться": солидаристы потянули вместе с АЦОДНР, СБОНР и монархистами. Против них вышли САФ, РОНДД и "независимые." Последний "блок" перетянул. Тогда солидаристы и иже с ними демонстративно вышли из ЦПРЭ и... создали собственный "центральный комитет," претендующий на единоличное представительство интересов российской эмиграции. Во многих местных комитетах победу одержали также САФ и РОНДД. В общем, борьба за представительство продолжается и по сей день на потеху честной дипийской публике и военным властям. А воз и ныне там: серьезного представительства российской эмиграции нет ни в Германии, ни в других государствах.

Победа РОНДД'овского блока показала, что российская эмиграция особенно новая начала уже более основательно разбираться в "политике." Дело в том, что РОНДД — наиболее симпатичная из всех партий хотя бы уже тем, что никакими социально-политических панацей не выставляет. У нее нет программы будущего устройства России (народ сам решит!), но зато есть реальные мероприятия по объединению и устройству эмиграции. Это и привлекло к РОНДД большинство. Но это совсем не значит, что "державники" не собираются залезать в карман ди-пи и будут всегда "паиньками." "Дай сердцу волю — заведет в неволю," — говорит украинская пословица. Дай партии власть и она начнет вытворять чудеса. Уже и сейчас скромности у "державников" мало-ваго. Например, в своей декларации они заявляют, что "российская эмиграция (конечно, под руководством РОНДД!.. — Д.П.) представляет в зарубежье тот именно фактор, который решит судьбы мира в грядущих событиях," что "судьба всего человечества в наших руках" и т. п. Но из двух зол выбирают меньшее. Поэтому российские дипи выбирают пока меньшее РОНДД'овское зло.

Между прочим, в* своей политической борьбе все партии не стесняются в выборе

средств. Доносы, клевета, подсиживание, обвинение в сотрудничестве с немцами, с большевиками наводняют страницы эмигрантской прессы и устные выступления на собраниях. Ди-пи все это видят и слышат, и мотают на ус. Например, недавно в печати появилось сообщение о том, что в Париже арестован сотрудник советской газеты "Русские Новости," некто Сарач, как агент Коминформа. С этим агентом Коминформа был тесно связан член высшего монархического совета в Германии Юрий Мейер, руководящий группой монархистов. Сам Мейер связи не отрицает: он получал через Сарача деньги из заграницы. Какие деньги? Что сей сон значит? В политике вообще чистых дел маловато, а тут уж явно грязное дело.

Какая то доля правды во всех этих взаимных обвинениях есть: у всех "вождей" рыльце в пушку. И новая эмиграция в Германии получает в этой "лагерной политике" хороший урок. Она понимает, что все эти "освободители," с пеной у рта выступающие на "защиту" интересов российских народов, просто-напросто политические проходимцы, что все эти партии — одни в монархическом мундире, другие в демократическом уборе, третьи в национальной косоворотке — одного поля ягоды и про них можно сказать словами поэта: "Во всех ты, душенька, нарядях хороша!"

И эти лагерные уроки политической азбуки новые эмигранты запомнят. Их уже будет трудно объехать на кривой, когда они сами станут решать свою судьбу. Они скажут тогда свое слово не только маленьким политическим шарлатанам германско-лагерного масштаба, но и более крупным, которые безусловно выплывут на мутные политические потоки будущего...

Д. П.

КРУЖОК СТУДЕНТОВ-ЛИБЕРТАРИЕВ

Париж, 10-5-50.

Дорогие друзья "ДТП." С большим интересом мы продолжаем читать ваши издания и не упускаем случая послать вам наши.

В настоящее время у нас организовалась либертарная группа, составленная из студентов разных национальностей, которая будет охотно обмениваться с вами информацией о своей деятельности.

Независимая группа товарищей задалась целью осветить деятельность анархистов в Испании в период 1936-38 годов и для этого собирает данные, документы, мнения и показания участников-свидетелей, чтобы издать книгу, в которой чувствуется большая потребность. Всем материалам будет уделено исключительное внимание.

За Либертарный Кружок Студентов

А. Прунье.

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАНА

Работа в деревне

В 1922 году судьба забросила меня в Боснию. Край этот лесистый — буковый, мало населенный. Босния отошла от Турции к Австрии в 1878 году. Австрийское правительство решило заселить часть этой малонаселенной местности. Декрет переселения касался, главным образом, Галиции, которая была перенаселена “руси́нами” и поляками.

Первые поселенцы осели среди букового леса, что в районе нынешнего уездного города Приявор. Большая половина населения этого городка — “руси́ны” и поляки, а меньшая — боснийцы. Приявор находится в 45 километрах от железной дороги и единственная трактовая дорога ведет в окружный город Банья-Лука. Домики “руси́нов” выделяются своей украинской внешностью: выбеленные, соломенная крыша, окружены вишневыми садами, а под окнами подсолнухи. А что касается боснийцев, то они пребывают в том же состоянии, в котором их оставили турки. Я был поражен, что австрийское правительство не позаботилось о культурном развитии этого богатого края.

В 1919 году Босния вошла в состав Сербии (Югославии) после поражения Австро-Германии. Сербы принялись восстанавливать свой разрушенный край, столицу и другие города, а Боснию оставили еще на много лет такой, какой она была. Вот в эту Боснию я и попал в 1922 году.

Подхожу к одному дому с вывеской: “Корчма и Постоялый Двор”. Вошел. Обширная комната, по середине — длинный стол со скамейками, а вдоль стен — деревянные нары, накрытые рогожами-матами. Это ночлежная комната, где может поместиться человек двадцать. В углу, за перегородкой, — буфет, где сидел старик с длинными (запорожскими) седыми усами. Поздоровался с ним и отрекомендовался. Когда старик узнал, что я — русский и что я побывал в его родной Галиции, то радости и расспросам не было конца. Его жена-старушка слушала со слезами на глазах. Старик рассказал о своем горе — начальных днях поселения и сообщил, что у них начальник уезда — босниец, австрийской школы, но человек хороший, что по слухам на его место сербы посадят

своего и что у них есть одна двухклассная школа и две церкви: православная и католическая.

— От нас, — сказал старик, — в 25 километрах есть село Росавац, которое имеет больше сотни дворов. У них нет школы, а рады были бы иметь учителя. Вы вот грамотный. Я советую вам занять это место.

Я изъявил свое согласие.

— Я имею, — сказал старик, — родного брата в Росавац. До войны он был зажиточным хозяином, а теперь остался один: сын погиб на фронте, старуха-жена умерла. Я пошлю с вами моего работника. Он знает дорогу и заведет вас к брату, который вас устроит. В его доме, может быть, временно и школу можно иметь, пока не построят новый дом. Люди там хорошие, дружные, только неграмотные. Вам там будет хорошо.

Утром, чуть свет, старик разбудил меня и работника, снабдил провиантом на дорогу, и мы отправились по лесным тропинкам. Кое-где попадались полудикие боснийские халупы. В обед зашли к одному боснийцу подкрепиться и отдохнуть. Домик без дымовой трубы, без потолка; внутри, посредине, неугасаемый огонь, а над огнем прикреплен чугунный котел, в котором варят что попало. Люди до невозможности грязные, закоптелые, полудикие, но по натуре хорошие, полуславянские.

Ночью вечером мы пришли в Росавац к старику Денисенко. Работник объяснил, что “дядько Трохим прислал принять меня, как своего сына”, и что я буду учителем. Я поздоровался со стариком и сообщил ему о цели моего прихода в Росавац. Старик был очень рад, когда услышал, что я желал бы остаться у них.

На следующий день, в воскресенье, о моем появлении узнала вся деревня и много мужчин и женщин пришло к старику Денисенко. Пришел и староста, полуграмотный ефрейтор австрийской военной службы, но расторопный малый, которому было лет 50. Я попросил его созвать после обеда сход, что он и сделал.

На сходе я объяснил, с какой целью я просил их собраться. Мое предложение было принято с радостью и сход решил временно учить детей в доме старика

Денисенко. Было также решено, что столаться я буду по очереди у каждого хозяина. Староста предложил мне жить в его свободной светлице. Я согласился.

Со старостой мы решили, чтобы я через два дня пошел в Приявор к уездному начальнику и взял у него разрешение на право обучать детей грамоте и оттуда немедленно поехал в Белград за букварями и учебниками для одноклассной сельской школы. Я поехал и выполнил задание успешно.

По приезду я попросил старосту назначить несколько плотников, чтобы вместе с ними переделать дом старика под школу. 1 ноября я начал учить 85 малышей днем, а по вечерам занимался со взрослыми по полтора часа. С наукой дело наладилось великолепно и все были очень довольны.

После Рождества я попросил созвать сход. Я сказал сходу, что я не останавливаюсь на одной только школе и что желаю еще помочь им в хозяйстве.

— Смотрите, что вы делаете, — сказал я им. — Каждый хозяин, сжав хлеб, оставляет его в поле и стоит этот хлеб в снопах до зимы, а зимою принимается целом молотить. Сверху воробьи едят, в середине миллион мышей кормится, а внизу — одна сечка от снопов. Посадит картофель на своей полоске, а до осени дикие свиньи больше половины поедят. Каждый имеет одну-две коровы и плохой хлев; зимой в хлеве снег на шерсти коров и овец; целую зиму коровы стоят на одной соломе и дрожат от холода, от этого и молока нет. Ухаживаний много, а толку мало. В хате почти у каждого хозяина зимою, в морозные дни, находятся телата, поросята, ягнята и куры: “пусть, бедные, и они погреться”. Нужно хозяйке соли или спичек, берет она 1-2 курицы и тащится 25 километров до Приявора и тратит на это три дня. Нужно помолоть какого зерна, берет полмешка на плечи или мешок на осла и тоже тащится 25 километров и тратит на это пять дней. Пойдет на ярмарку, купить или продать, не знает цены, поэтому наживаются дармоеды-спекулянты.

— Ваша местность очень богата, — продолжал я: — земля плодородная, чернозем, масса чернослива, грибов-боровиков, масса диких свиней и пушистых лисич. Всего в полтора километрах есть хорошее место для мельницы, тартака, даже можно установить маленькую турбину для про-

изводства электричества. Есть хорошее место для цегельни — кирпичного завода. Для того, чтобы ваш труд не пропадал даром, мы должны заложить “коммунальное” хозяйство. Все работоспособные мужчины должны взяться за рубку леса и заготовить материал на устройство клеток для ловли диких свиней. Клетки должны быть размером в шесть квадратных метров, высотой в два метра, а по бокам висячие на проволоке двери. (В таких клетках проволока соединялась в центре с пружиной, которая посыпалась жолудями, картофелем и бураками. Когда свинья из дикого стада учует корм, она сейчас же заходит в клетку, а за ней и остальные из ее малого стада; когда она коснется рылом пружины, двери моментально опускаются и штук 10-12 остаются в западне и тут же убиваются).

Сход согласился с моими предложениями. Было решено соорудить немедленно побольше таких клеток.

Затем я отправился в Приявор к начальнику уезда и попросил у него копию плана земли с. Росавца, так как его жители не знали, где граница общественной земли. Из приведенного мною плана выяснилось, что обществу принадлежат еще 850 гектаров.

Осип Цебрик.

(Оконание следует)

Русский Прогрессивный Кружок Бронзвипя

Первая организация безвластников была создана в 1908 г. тов. Н. Янковским, бывшим сельским учителем. Имя этой организации “Русский Прогрессивный Кружок.” Я примкнул к кружку в 1909 г. Кружок был очень активным. Его деятельность в первую очередь была направлена на самообразование, была устроена школа, читались лекции, рефераты, устраивались дискуссии, но главная деятельность сосредоточивалась на распространении анархической литературы и журнала “Голос Труда.” Численность кружка никогда не падала ниже 25 активных членов. В кружке были матросы с броненосца “Потемкин.” Члены кружка работали очень дружно и в полном согласии до раскола, который произошел в 1911 или 1912 г.

Один из членов кружка пошел в церковь венчаться. На специальном митинге был поднят вопрос: должны ли члены “Русского Прогрессивного Кружка” признавать цер-

ковный брак? Заседание было бурное. Большинство высказалось, что члены кружка должны признавать только гражданский брак, и настаивало на исключении из кружка тех членов, кои будут венчаться в церкви.

На основании этого решения товарищ Паук был исключен из кружка. После принятия такого решения религиозные члены ушли, а кружок в скором времени реорганизовался в "Союз Русских Рабочих" и примкнул к федерации, активно работая до революции 1917 г.

Во время революции почти все члены уехали в Россию. С тех пор, как видно, в Бронзвиле нет безвластнической организации. Там, как видно, теперь орудуя сталинские подручники, которые до революции боролись против русского Прогрессивного Кружка под монархически-церковными лозунгами.

Г. Резанович.

АНАРХИСТЫ В КОРЕЕ

Комиссия Объединенных Наций по делам Кореи сообщила, что прежняя японская территория, разделенная после войны на советскую и американскую оккупационные зоны, стоит перед угрозой крайне варварской гражданской войны. Комиссия винит обе стороны за напряженное состояние: антагонизм между СССР и Америкой является основным фактором затруднений.

Бряцание оружием с обеих сторон может вызвать открытое военное столкновение,* что вылилось бы в наиболее варварскую гражданскую войну. Вот что пишут корейские товарищи:

"Мы приветствуем анархическое движение всего мира. Во первых, мы благодарим вас за вашу борьбу за мир и свободу. Генеральная Конфедерация Корейских Анархистов является единственной революционной организацией анархистов в Корее. Она была создана 2-го ноября 1928 г. в старинном городе Пенгианг, имеющим свыше 4,300 лет,— в подполье, под жестоким и беспрестанным преследовании японской полиции, с целью оживить революционное движение. Борьбу ведут анархисты страстно и непрестанно, хотя многие из товарищей были убиты или брошены в тюрьмы империалистами.

С 15 августа 1945 г. японцы ушли, но это не облегчило положения страны, разделенной на две части — русскую и американ-

скую. Поддерживаемые иностранными оккупационными войсками, реакционные силы крепнут — красные на севере, а белые на юге. Но, несмотря на все трудности, мы боремся и верим в окончательную победу, которая восстановит свободу, равенство и братство.

Мы надеемся, что вы поможете нам связаться с анархическими организациями и отдельными личностями, с которыми мы могли бы войти в переписку, так как со времени японской оккупации из-за шпионажа и цензуры, мы потеряли связь с нашими друзьями извне.

Мы надеемся открыть книжный магазин и библиотеку, которая необходима для изучения и пропаганды анархических идей. В нашей стране нет возможности найти книги, так как все книги были конфискованы полицией. Поэтому мы убедительно просим: пошлите нам из каждой страны книги, памфлеты, газеты и журналы, а мы со своей стороны постараемся отплатить вам каким-либо способом.

Мы надеемся, что мы сможем продолжать нашу борьбу для достижения нашей общей цели."

**Генеральная Конфедерация
Корейских Анархистов.**

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

МАРК ПЬЕРРО

19-го февраля в Париже скончался на 79-том году жизни наш старый товарищ, доктор Марк Пьерро. Смерть последовала в результате трех тяжелых операций, которым Пьерро подвергся в течение очень короткого времени.

Все те, которые знали Пьерро и бывали у него на ежемесячных собраниях, поражались его вечной молодости и тому постоянному интересу, который он проявлял ко всему тому, что волнует нашу эпоху. Его быстрый и критический ум, широкие знания и большая осведомленность в текущих событиях привлекали к нему многих товарищей и делали его дом своего рода центром дискуссий. Несмотря на преклонный возраст, он до последней минуты продолжал свое сотрудничество в "Фрайе Ар. Штимме," живо интересовался палестинским опытом и тяжело переживал реакцию в Испании и России.

Родился Марк Пьерро 23 июня 1871 года в старой республиканской семье г. Невера. К революционному движению примкнул с

* Оно уже началось.—Ред.

самых юных лет. 19-летним юношей он вместе с другими студентами (французами и иностранцами) создал активную группу "Студентов Социалистов-Революционеров Интернационалистов." Группа эта была центром оживленных дискуссий среди прогрессивной молодежи и искания ее велись в различных областях — научной, исторической и социальной. Одной из задач группы было издание брошюр и Пьерро был одним из тех, которые выпустили очень важную по тем временам брошюру на тему: "Как государство преподает мораль." Членами группы были: Рэми, Бретон, Диаманди, знаменитый рисовальщик Стейнлен, известные тогда карикатуристы Ибельс (из газеты "Свисток") и Герман Поль ("L'Assiette au Beurre") Мария Исидоровна Гольдшмидт — известная в русских анархических кругах под псевдонимом Мария Корн — активная работница в нашем движении и долготелетняя секретарша Кропоткина; Д. Анский — автор "Дибук"; кипучий Штакельберг и многие другие.

Примкнув к анархическому движению, Пьерро стал активным сотрудником анархического журнала "Новые Времена," выходившего под редакцией Жана Грива, а впоследствии, когда последний переехал в Лондон, основал в 1916-20 гг. журнал "Plus Lion," который выходил до 1939 года.

Среди многочисленных друзей Пьерро были: Кропоткин, Малатеста, Черкезов, Реклю, Корнелиссен, Шапиро, Волин, Бернери, Шуллим Шварцбард и многие другие. П. Кропоткин в его доме принимал русскую колонию.

Будучи человеком очень отзывчивым, Пьерро постоянно помогал тем, кто только мог, как эмигрантам, которых у него перебивало большое множество, так и французам. Он бесплатно лечил всех обращавшихся к нему товарищей, даже когда для этого нужно было отпраляться в другой конец города.

В докторе Пьерро наше движение потеряло одного из самых преданных товарищей и человека большой душевной доброты, бывшего скромным, безшумным, но очень активным борцом за лучшее будущее и за осуществление анархического идеала. Его подруге жизни, прожившей с ним 53 года, дочерям и всем близким мы выражаем наше соболезнование в постигшем их горе.

Я.Д.

Ф. В. ФЛЕМИНГ

Ф. В. Флеминг из Мельбурна, Австралия, умер на 86 году своей жизни. Постоянный сотрудник лондонской газеты "Фридом" в течении 50 лет, он был также известен, как массовик-оратор, собиравший многочисленных слушателей на знаменитые митинги против войны в Ярра Бэнк. Флеминг был одним из первых революционеров-пропагандистов в Австралии и организатором первомайских парадов. Из года в год, несмотря на частые аресты, он вел неустанную агитацию против государства и против обскурантизма католической церкви.

КАССИУС КУК

Кассиус Кук умер 1 мая в Лос Анжелес на 70 году жизни. Он был секретарем Комитета по изданию трудов Рокера в Америке и долгие годы был связан с анархическим и радикальным движением, а также с американской помощью испанским анархистам и был распространителем трудов Эммы Гольдман.

ИППОЛИТ ХАВЕЛ

Ипполит Хавел умер 10 мая в Нью Йорке на 81 году жизни. Он был основателем анархической газеты "Социальная Война," издававшейся в Чикаго во время первой мировой войны, и "Род ту Фридом" ("Путь к Свободе"), издававшейся после войны в Нью Йорке.

Мы выражаем наше глубокое сочувствие родственникам и друзьям умерших товарищей, которые принимали активное участие в либертарном движении.

"Анархисты утверждают, что ни один народ, ни одна нация не должна угнетать другой народ, другую нацию. Все должны иметь равные права. Все народы, без всякого исключения, для общего счастья и благоденствия должны жить по-братски, как одна дружная семья. Поэтому анархисты считают ненужными границы, отделяющие один народ от другого или одну нацию от другой, одно государство от другого, как это наблюдается в настоящее время."—А. Карелин.

ВОПРОСИК

Ленинград 1930 года.

Студенты — народ бедный, особенно советские. Впрочем, один из профессоров доказывал, что американские студенты еще беднее: один костюм на пятерых имеют. Правда аль ложь, спорить не будем. Но у сталинских питомцев есть одно преимущество, которого не имеют, ручаюсь смело, студенты всего мира: это сравнительно легкий заработок.

Была и я студенткой и, как будущий “хребет советской власти,” получала стипендию. Но вот беда: таковой не хватало на подписку “добровольно-принудительного” займа, на ком-взносы, на проф-взносы, на МОПР, на Асоавохим, на “Безбожника” да на прочие вычеты и “пожертвования,” не говоря уже о такой “пустой мелочи,” как обувь и одежда.

Но не в этом суть дела, а вот в чем: каждый город в СССР имеет и поныне политпросветцентры и каждый сей центр нуждается в пропагандистах. Студенты летят туда, как мухи на мед. Брала нас с охотой, дескать, народ культурный, политически подкован, в софистике смышлен. А на казачье толкование “совмудрости” там денег не жалеют. Пошла и я туда. Проверили — своя.

Не занимая смелости и подточив язык, начала говорить на темы: “Шесть условий товарища Сталина,” “Догнать и перегнать,” “Депрессия в капиталистических странах,” “Вред религии” и на ряд всяких других тем и подтем. Диалектически анализировала и синтезировала их, исходя из духа времени и требований Кремля.

И вот, окончив одну из трафетных лекций, спрашиваю:

— Товарищи, у кого есть вопросы?

Тишина. Повторяю вопрос. Молчание.

Радуюсь, что так легко отделилась от каверзных вопросов, начала собирать шпатель. Однако, моя радость была преждевременна. Поднялся пожилой рабочий и, почесывая давно небритый подбородок, молвил:

— Товарищ докладчица, у меня есть вопросик. К нам почти каждый день присылают таких агитаторов, как вы, а вот нас, меня, Ягорку и всех, — сделав паузу и окинув взглядом сидящих, он продолжал, — нас, гражданочка, антерясует: сколько вам платят за вашу бряхню?

А. П. З.

ЗАКОН О МИНИМУМЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Департамент Труда серьезно заинтересовался злоупотреблениями, которые допускают некоторые фирмы в нарушение закона о минимуме заработной платы и о рабочей неделе. Жертвами этих злоупотреблений являются не только недавно приехавшие эмигранты, но и лица, получившие уже американское гражданство, но недостаточно владеющие английским языком или недостаточно осведомленные насчет своих законных прав. По сведениям Департамента, пользуясь неосведомленностью и беспомощностью этих лиц, некоторые недобросовестные предприниматели платят им ниже установленного законом минимума. Даже лица, владеющие английским разговорным языком, не всегда способны разобраться в смысле законов, изложенных в непонятных для них юридических терминах.

Суть закона о минимальной заработной плате проста: закон не разрешает работодателю платить за час работы меньше 75 центов; за каждый час работы сверх 40 часов в неделю он обязан платить в полтора раза больше обычного. Но и люди, слышавшие о таком законе, нередко не знают, куда обратиться за защитой в случае нарушения их прав. В каждой части Соед. Штатов имеется районный представитель Департамента Труда, к которому и следует обращаться в случаях нарушения закона о минимуме заработной платы.

Для штатов Нью Йорк и Нью Джерси адрес этого районного представителя:

Mr. John A. Hurley, Regional Director Wage and Hour Public Contract Division, U. S. Department of Labor, 341 Ninth Avenue, New York 1, N. Y.

Отделы трудовой инспекции в штате Нью Йорк имеются в Албани, Боффало, Рочестер и Сиракузы, а в штате Нью Джерси в Кэмдэн и Ньюарк. Подобные же отделы существуют во всех более или менее значительных городах Соединенных Штатов.

О всяких случаях нарушения закона о минимуме заработной платы следует уведомлять эти отделы Министерства Труда. Делать это можно в форме письма, которое можно писать и по-русски.

Отдел Министерства Труда производит расследование, не открывая предпринимателю имя автора жалобы, в случае, если сообщенные им факты подтвердятся, предпринимателем будет предписано уплатить жалобнику всю недоплаченную сумму.

Закон о минимуме заработной платы и о рабочей неделе (40 часов) распространяется не только на работающих на фабриках и заводах, но и на конторских служащих, на женщин, берущих работу на дом.

Другая важная статья закона: запрещается нанимать на работу малолетних до 16-летнего возраста.

В случае сомнения, — подпадает ли данное предприятие под действие федерального закона, — следует запросить упомянутый отдел.

Отдел рекомендует работающим вести точную запись числа рабочих часов и получаемой за них платы на случай возможных нарушений закона.

Закон, которым минимальная плата была повышена с 40 центов в час до 75-ти, вошел в силу 25-го января сего года. Он распространяется одинаково и на американских граждан и на иностранцев, независимо от их расы, вероисповедания и национального происхождения.

ГОЛОС НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ

Некоторые факты о сов. действительности

Все писатели про советскую действительность, в роде Кравченко и ему подобных (из бывших коммунистов) описывают лишь концы и умалчивают о началах. Главной темой их является описание ужасов жизни людей в лагерях. К этому описанию я хочу добавить кое-что от себя, передавая это со слов моего ссыльного отца, находившегося в одном из лагерей Котласа, где его посещал несколько раз мой младший брат, получавший разрешение от ГПУ на право свидания. Отец был сослан на 15 лет по доносу священника-живоцерковника, обвинившего отца в антиколхозной пропаганде. Через 5 лет отец встретился со своим обвинителем в лагере в качестве товарища по несчастью: нашелся кто-то другой, который и на него донес. Старых заслуг "живца" в счет не приняли.

Изолируя в лагеря всех заподозренных в неблагоданности, правительство, надо полагать, дало распоряжение страже принимать всевозможные меры по охране здоровья заключенных, счет которым, вероятно, был где-то заведен. Как же отчитывалась стража перед правительством?

Массивность фигуры Сталина подавляет всех членов компартии, поэтому все они информируют центр о трудностях своей работы и о грозящей им опасности при выполнении распоряжения правительства, делая слона из мухи. У стражи лагерей даже и мухи не было, а инсценировать трудность своей работы надо было. Почти каждый день расстреливались люди на работах в лесу и вечером в конторе составлялись акты на количество убитых при попытке к побегу. Затем следовали рапорты о бдительности стражи и получались ордена за верную службу. Распоряжение же об охране жизни заключенных тоже выполнялось точно: каждому больному делались впрыскивания для поддержания сердечной деятельности и на каждого умершего составлялся акт о принятых мерах и тоже, вероятно, отправлялся в центр. Это делалось не только по линии ГПУ, подобные инспекторки сопротивления распоряжения правительства были повседневным явлением.

Кравченко описывает голод на Украине в 1933 г., но совершенно умалчивает о том,

как этот голод получился. Я сделаю дополнение к голодовке 1933 г. В 1932 году началось примирение с колхозным строем среди русских, переживавших многовековое рабство и при освобождении перешедших к общинному землепользованию. Поэтому в Велikorоссии колхозный строй был усвоен легче. На Украине же дело обстояло иначе: там самый бедный имел собственный участок земли, поэтому и переход к коллективизации переживался населением очень болезненно. Главным источником волнений были коммунисты, которые при организации колхозов выступали не в роли товарищей, а в роли управляющих и приказчиков, чем и возмущалось все население. Украинские женщины на работе истерически требовали, чтобы организаторы не смотрели, как работают другие, а брали бы грабли и убирали урожай вместе с населением. Понять это психическое состояние начальники не сумели, оно им было недоступно. Результатом было то, что население отказалось убирать урожай, падающий на долю уплаты налогов государству. Урожай погиб, а все начальники, о которых Кравченко так заботился на суде, решили умолчать о гибели урожая и вывели только проценты выполнения. Но настал такой день, когда им надо было отчитаться перед правительством о выполнении натуральных налогов. В прежние годы за все отдавались кулаки, а теперь кулаков не было и они решили забрать личный хлеб колхозников и выполнить план правительства. Результат этого выполнения описан Кравченко.

Приведу еще несколько фактов. В 1928 г. раскулачивали моего деверя, младшего брата мужа. Сельсовет производил отбор имущества. Около дома стояли: мать, дети и старики и плакали. В это время проходили мимо пьяные председатель комитета бедноты и его собутыльник и о чем-то горячо спорили. Около хаты деверя их спор достиг высшей точки напряжения и массивный собутыльник побил тщедушного комбедчика. В это время деверя не было дома. Несмотря на это, все защитники власти составили вечером протокол, в котором подтвердили, что деверь при изъятии у него имущества оказал физическое сопротивление. Через три дня был показательный суд, который дал деверю 5 лет заключения на Беломорканале, а избившему комбедчика дали год принуди-

тельных работ, потому что буян поддался кулацкой агитации по несознательности.

Мой сват, свекор младшей сестры, вместе с 24 другими односельчанами, был в 1928 г. расстрелян за убийство комсомольца, а семьи всех расстрелянных были отправлены в ссылку в Архангельск. В действительности же дело обстояло так: два комсомольца ухаживали за одной девушкой и из ревности один убил другого. Эта истина стала известна вскоре во всем районе, но пересмотра дела не было назначено: семьи расстрелянных остались в ссылке — начальство никогда не ошибается, ни в коем случае нельзя допустить это!.. В дальнейшем убийца стал ярым приверженцем власти по проведению всех репрессивных кампаний.

Мужу моей сестры удалось бежать из ссылки и устроиться на работу. В 1937 году, когда проходила добровольно-принудительная подписка на заем осовиахи, он сказал неосторожно: "Когда же все это кончится?" К вечеру он был арестован, а через три дня был показанный процесс. Приняв во внимание его социальное прошлое, ему дали 15 лет заключения со строгой изоляцией.

Моя двоюродная сестра, по профессии учительница, жила с мужем, офицером царской армии, в захолустном уездном городе, отстоявшем в 40 км. от ж-д станции. В царское время там было несколько средних учебных заведений, поэтому там сохранилось много старой интеллигенции со старыми привычками: поиграть по вечерам в преферанс. Но вот в центре обнаружена была промпартия. Чтобы не отстать от центра, начальство города и у себя начало делать проверку, хотя в городе и во всем уезде был один маслوبيный завод, а другой — пенькотрепальный. Сахарные заводы были разрушены еще в начале революции. Так вот и здесь была обнаружена промпартия из участников игравших в преферанс. Некоторых расстреляли, а зятю повезло: он просидел в тюрьме 6 месяцев без допроса, а потом попал на допрос к добросовестному следователю, который, выслушав внимательно про вечера за преферансом, вынес заключение о невиновности. Если зять жив, то он и теперь в молитве поминает своего спасителя.

Очередь на пересмотр дела деверя в центре дошла через три года. По распоряжению центра он был освобожден от работ на Беломорканале. Отец мой тоже был возвращен и зссылки в 1934 г. Духовенство из ссылки шло двумя путями: одни подали правительству свое отречение от сана, а другие отпускаясь с сохранением сана. Сотни ты-

сяч бед творят низовые работники партии и правительства и пока все дойдет до центра, то иные погибают, не дождавшись срока пересмотра, а другие получают оправдание, отбив срок наказания.

Борьба между населением и большевиками, обманувшими его Октябрьской революцией, вызвала появление подкулачников и шептунов. Борьба эта окончилась в 1935 г. победой компартии: Сталин выступил с речью об окончании ликвидации кулака, как класса. Размер ликвидации определен был 5%, в действительности процент был гораздо выше, ибо, согласно переписи, количество рабочих возросло на 25%. Этот рост произошел за счет кулаков. В перепись, понятно, не попали умершие, но и эта повышенная цифра указывает, как перевыполнили план г-да большевики. Сделавшись победительницей, партия большевиков оказалась только годной выполнить роль ушедших монархических мучителей, а строить что-либо она оказалась неспособной.

Главным стимулом в движении христианства было учение Христа о равенстве всех перед Богом. Логическим следствием было и равенство людей между собою. Действительность показала обратное: христианство было перестроено в угоду имущим. Как следствие, явилась реакция среди не получивших равенства. Так появился коммунизм с отрицанием всех религиозных течений. Парижская Коммуна выбросила лозунг: Свобода, Равенство и Братство. Для русских коммунистов (большевиков) эти лозунги были чужды. Коммунистический партбилет — средство к столу существования. Каждый компартиец требовал себе служения, а не работы. Теперь население России, побежденное во имя свободы, равенства и братства, предъявило свои требования к выполнению этих лозунгов. Оно приняло советские законы к неуклонному выполнению и видело, как эти законы в первую очередь попирались самими же компартийцами. Для борьбы с ними у населения остались два оружия: жалобы и доносы. При волчьих характерах людей с партийным билетом жалобы вызывали составление ложных обвинений в контр-революции и в измене родине. Защита от ложных обвинений вызвала доносы. Разразилась война и все это заменилось новой страшной борьбой с внешним врагом.

Появление в эту войну большого числа изменников дало повод говорить о появлении движения, стремящегося к свержению советского строя. Здесь две категории людей: одни вол-

новались потому, что не получили равенства, а другие двигались на запад, где они надеялись закрепить свое превосходство. Первыми руководили меще и поиски нового строя, а вторыми — жажда власти и реставрации старого строя. Первые были беспартийные, а вторые — компартийцы. Первые требовали усовершенствования законов, а вторые — реставрации партий, несущих неравенство в той или иной форме. Народ страны и, главным образом, женщины будут на стороне первых. Как назвать строй, который требует первая группа? Выражаясь словами, которые я имею в своем обиходе, его можно назвать анархо-демократия: переход к добровольным коммуна и кооперации всех видов и во всех отраслях жизни страны. Я понимаю кооперацию, как путь для устройства жизни на равных началах, а анархию я употребляю не в смысле произвола, а в добровольности выбора партий и религиозных убеждений. Национальность при свободе, равенстве и братстве потеряет всю культивируемую остроту: ребенок не может себе выбирать родителей. Кто выбросит народом России клич идти в мир равенства, покажет будущее. Но, поверьте, люди пойдут за ним с таким же фанатизмом, с каким шли в Октябрьскую революцию.

Л. Потапова.

КАК Я ЖИЛ НА РОДИНЕ

Я — крестьянин. В мае 1929 г. на меня наложили штраф, как на кулака, в 800 рублей. Такую сумму не то, что я один, а всем бы селом не собрали. За то, что я штраф не заплатил, меня в декабре 1929 г. судила выездная сессия окружного суда в показательном порядке, перед всеми соседями, чтобы они смотрели, как судят “кулаков,” и сами находились в страхе. Присудили меня на 6 лет концлагеря и после на 5 лет ссылки, а потом еще на 5 лет лишения права голоса.

До 1930 года я находился в Днепропетровской, потом в Харьковской тюрьме. Оттуда отправили меня в Хабаровск, потом в СЕВ-лагерь (Бухта Нагаева-Колыма) затем перебросили во Владивосток, а потом в Забайкалье, оттуда в тайгу. Пролагали мы дороги в непроходимых дебрях, корчевали пни, валили столетние деревья, заземляли болота... Не верится самому, что человек может перенести.

В 1935 году кончился мой срок. НКВД освободило меня и дали мне документ, что я могу работать только на каменной карьере или на шахтах, в свой же родной край я

не имею права возвращаться. Так из тайги я попал в другую подземную тайгу — на шахту в Донбасс. Когда я работал в шахте, сообщали мне из дома, что моя мама, 75 лет, умирает и хочет видеть сына. Как я ни просил этих тигров из НКВД, так и не пустили меня домой. Не разрешили поехать и похоронить ее...

В.К.

Под властью Сталина и Гитлера

Родился я в семье агронома в одном из провинциальных городов Украины. Мать учительствовала в средней школе. Папаша по своим политическим убеждениям был последователем Кропоткина и я помню, как они с мамой бывало дискутировали об его учении.

Никогда не забыть мне ночи на 15 сентября 1937 г. Пьяные энкаведисты ворвались в наш дом и без предъявления ордера арестовали отца, потом начали обыск: раскрыли комоды, шкафы, разбросали по полу книги и одежду... Плачь мамы и сестры, ругань чекистов и бледное лицо моего папы не уходит из памяти. Я помню эту страшную ночь отчетливо и последние слова папы: “Прощайте!”...

После ареста папу посадили в тюрьму. Потом — судебная комедия. Судил выездной трибунал. Папу обвиняли во “вредительстве” и в связи с “фашистскими организациями за границей” и приговорили к расстрелу. В П... тюрьме его и расстреляли. С ним были убиты махновец Ищенко и учитель Демченко. После расстрела папы на нашу семью обрушились все несчастья. Уволили с работы маму, знакомые отвернулись, соседи сторонились, началось недоедание, нужда... так до самой войны.

В 1941 году я был мобилизован большевиками в армию. После месячной строевой и учебной подготовки наш полк был отправлен на фронт. После двухнедельных жестоких боев наш полк был разбит и остатки направлены на переформировку в областной город. В то время немцы форсировали Днепр и быстро двигались к нашему городу. Началось паническое отступление на Харьков, потом на Белгород и дальше на Восток. Армия не хотела защищать власть Сталина. Везде слышались упреки и проклятья по адресу “отца народов.”

Так в ожидании чего-то лучшего наступил 1942 г. Из немецкого плена начали появляться бежавшие красноармейцы. Нам стало известно, что фашистский зверь ока-

зался таким же, как и свой. Гитлеровские полчища несли новое рабство для нашей родины. Решили воевать до конца, забывши на время о горе, которое принесла сталинская власть. В середине марта я был тяжело контужен и попал в немецкий плен. Про бедствия, которые мы там перенесли, я высказусь словами сочиненной военнопленными песенки:

“Эх ты, баланда, ты, баланда, только лишь мажаро да вода, нет ни соли, ни фасоли, хлеба крошки, ни картошки — только лишь мажаро да вода”... К этому надо добавить холод, побои, непосильную работу и миллионные армии на теле и в наших лохмотьях вшей. 1 марта 1945 года, возле голландской границы в г. М. Уладбах, американская армия освободила нас из плена.

Свобода! Какая радость! Я видел, как с этой радостью спешили на свою родину тысячи французов, голландцев, бельгийцев. Но наша радость омрачалась той страшной жизнью, которая была в нашей стране...

Начали отправлять на родину и наших военнопленных. Говорили, что нам все прощено и нас никто не будет преследовать. Хотелось этому верить, хотелось домой, поскорее увидеть близкие, родные, любимые лица. В то время у меня начинался туберкулез. Английскими самолетами нас перевезли в советскую зону Германии, где мы сразу попали под опеку НКВД. Начались допросы, пытки, побои, ругань, обвинения в измене родине.

Перед глазами встала картина бесправия на родине. Вспомнился арест отца, пережитое, но незабываемое горе нашей семьи... На родине все по-старому. И я решил бежать на Запад, чтобы никогда не видеть этого ненавистного режима. Побег удался и я снова очутился в английской зоне. Там я сразу попал в ТБС санаторий, в котором нахожусь до последнего времени. На днях мне будут делать операцию. Согласился: другого исхода не было, нового препарата “стрептомицина” достать очень трудно да и не за что...

П. Н.

Трагедия русских немцев

ГЕРМАНИЯ. — Сейчас при проверках ДП на комиссиях по перевозу их в США обнаруживают много бывших фолькдойчей. Их задерживают и отправляют в ИРО Контрольный Центр для повторного “скрининга”, который ведет к лишению их статуса ДП и перевода их в германское подданство и на немецкую экономику с лишением их таким образом права на эмиграцию. Большинство людей как в ИРО, так и вообще в Западной Европе (кроме

немцев) и в Америке и не подозревают, а многие просто и не хотят знать, какая страшная трагедия кроется в истории каждого фолькдойча из России.

70 процентов русских “немцев” не имеют с немцами ничего общего — это чисто русские люди и по крови и в душе. Они все с бесконечной болью в сердце должны были принять эту кличку, т. е. это был единственный выход из тех трагических обстоятельств войны, голода и страха перед совершенно нечеловеческими репрессиями со стороны советского правительства, в которые попал русский народ в годы 1941-44. Когданибудь история прольет свет на эту сторону страданий русского народа, а сейчас мы хотим хоть немного рассказать вам о тех ужасах, которые привели русских к тому, чтобы называться этой кличкой, питая при этом в душе ненависть к поработителям, врагам своим — немцам.

Русский народ, замученный полицейским режимом, смотрел на немецкую армию, как на освободительницу от его заклятого врага. Он не знал ни немцев, ни Гитлера, ни его режима. Ждал, что немцы придут и освободят.

Подвигался фронт со страшными бомбардировками, боями, пожарами, голодом. Особенно на севере было страшно из-за сильных морозов. Бежать в тыл к своим невозможно, там ждут репрессии, расстрелы, концлагери уже за одно то, что ты видел и говорил с немцами, за то, что ты за тарелку супа чистил им картошку на кухне, за кусок хлеба — стирал немецкому солдату белье. А между тем от голода люди распухали и умирали, везде валялись убитые женщины и дети.

В это время немцы объявляли, что те, кто немецкого происхождения, будут отправлены в Германию, смогут там работать и жить по-человечески. Перед людьми был выбор: неминуемая гибель или спасение.

Люди согласны были называться кем и чем угодно, лишь бы спасти себя, родных детей, а главное, уйти от большевиков, которые всегда могли сюда прийти опять. Никто не думал о последствиях такого шага, смотрели на принятие такого звания как на временную формальность, которую сбросят с себя, как только кончится война и все связанные с нею ненормальности. Тысячи пошли на эту приманку.

В Германии в лагерях для русских немцев обращались с ними очень плохо: не доверяли, не выпускали из лагеря по несколько месяцев, били молодёжь, насильно брали молодых людей в войска СС, держали в порабощении, заставляли голодать.

Под угрозами приходилось подписывать документы о переходе в германское подданство, несмотря на то, что русские немцы возненавидели своих новых поработителей, но возврата не было и, стиснув зубы, со слезами получали это чуждое им подданство. Держались вместе против немецких властей, бешеных лагерфюреров, тая в душе одну надежду: при первой возможности отречься от этого навязанного немецкого подданства.

Когда Красная Армия захватила восточную Германию, то большая часть этих несчастных людей попала ей в руки и там же погибла (об этом у нас есть нелегальные сведения). Некоторым удалось бежать в западную Германию. Их осталось очень немного. Большинство их уже эмигрировало за океан. Теперь же, если эту оставшуюся малую часть ИРО лишает прав ДП и эмиграции, то этим совершают над ними вопиющую несправедливость. В их кличке “фолькдойч” виноват только больше-

вистский режим, от которого убежала бы под каким угодно названием и куда угодно, может быть, половина граждан СССР.

Обратите же внимание на то, что эти, так называемые, "фолькейчи" из России должны опять терпеть незаслуженные страдания и, как отверженные, выбрасываются из под опеки ИРО, из лагерей, многие разлучаются с родными и друзьями. Многие близкие их уехали уже за океан и ожидают их там. А куда их выбрасывают? В чуждую, несимпатизирующую и неприятную им среду немцев.

Посмотрите на этот вопрос не с точки зрения закона, а по человечески, гуманно, по христиански. О колаборанстве русских "фолькейчи" не может быть и речи.

Стоит задуматься над этим вопросом и разрешить проблему ДП по существу, а не по букве закона и не так, как угодно засевающим в ИРО.

М. Петров и группа Д.П.

ЭМИГРАНТЫ — АРМЯНЕ

В редакцию "Дела Труда-Пробуждения." Пишу вам, но кто я? Обо мне вы никогда не слышали, да и не могли слышать, поэтому постараюсь, как можно покороче, описать свою биографию. Родился я в России, где и прожил всю свою жизнь, за исключением трех последних лет. Учиться пришлось мало, что вы видите из моего письма. Живя в Киеве, я был, как и все советские граждане, но в 1939 году я очутился в Северном Казахстане лишь потому, что мой отец был иранским подданным. Здесь на просторах Казахстана во мне пробудились поэтические настроения. Но писать я не мог, не мог петь хвалу людям, которые невинно осудили меня, а писать правду, значит, узнать еще более отдаленные места Совсоюза, ибо и в ссылке были суды и тюрьмы. Я молчал. Было у меня желание уехать куда-нибудь и, быть-может, найти правду.

Наконец, в 1946 г., после стечения благоприятных обстоятельств, мне удалось выехать в Иран на законном основании. Но в Иране я не нашел и крупицы того, чего мне желалось: здесь нет никаких русских обществ, интересующихся литературой. И когда мне недавно попал номер вашего журнала, я немедленно решил написать вам вместе с моим другом Андреем, взгляды которого схожи с моими. Посылаю вам одно из моих немногочисленных стихотворений, в котором я хотел отразить судьбу запутавшихся армянских эмигрантов, старающихся найти свою настоящую родину.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Однажды, было то пред зимней стужей, медведь нашел лису на ужин, в его берлоге промышляла, теперь же жизнью отвечала. И смерть увидя над собой, такой вела там разговор:

"Зачем вы гневаетесь изволите? Зачем вам смерть нужна моя? Ведь в деле правом никто не сможет помочь вам больше, нежели я. Зачем вам есть меня? Пушистый хвостик — только кости! Я б вам помочь могла... Вон, видите, пасется ослик..."

"Да, на осла тебя я б променял, но не такой он уж дурень, что сам бы в лапы мне попал."

"О! Он чрезмерно даже умен! Но заманить его в лесок берусь я, а ты — молчок!"

И вот, добравшись до осла, слащаво молвила

Лиса:

"Что за несчастье! Боже правый! Вы гложете

здесь голый камень! Ведь пищей грубою такой вы портите желудок свой! А вон, взгляни, на тот лесок, там не трава, а чудо просто, право! Пойдем со мной туда, дружок, я за тебя так буду рада! Да не смотри, что листьев нет, деревья голые стоят... Зато трава... чудесный цвет... и излучает аромат. По этой тенистой дубраве твой дикий предок же бродил, они тебе родными стали, хотя туда ты не ходил..."

И что ж, осел лисою в лес был заманен. Поглупости своей медведь на встречу вышел им из леса... Испуганный осел начал реветь и убежал с "родного места."

Медведь опять схватил лису: "Убью, кричит, тебя на месте!"

"Я с ним опять сюда приду, лишь вы куда-либо залезьте! Ведь тот Осел — мой лучший друг и он придет, когда его я позову."

Прошло немного времени. Лиса опять с Ослом уж ладит, а тот, забыв испуга бремя, про лес ребром вопрос уж ставит.

"О милый, что ж ты испугался?"

"Но ведь медведь так страшен был!"

"Да он тебе таким лишь сдался... А знаешь, правед как их бил? Завидит только лиси медведя... и ну — за ним! Ломает сучья, гнет деревья... Медведь бежит, дедом гоним!"

Лиса добила снова цели. Осел на месте не стоял: хотел ломать деревья, и к лесу с ней уже шagal.

"Ага, попался!" взревел Медведь. И вмиг Осел, к земле прижатый ногами мог ее лишь грести и видеть лишь хвост мохнатый.

"Ну, чтож, кума, я снова твой," вздохнув, сказал Осел. И мне теперь страшнее ада, что родиной назвала ты, мои мечты, моя отрада все скрылось в черноте твоей души."

Меж тем, то спереди, то сзади, Медведь откусывал полокомей кусок осла и вот пред ним одни лишь кости лежали, да голая жертвы голова.

"Ну вот — наелся! Какой прекрасный ужин... На завтрак я оставил лакомый кусок. Побереги его от стужи, любимый мой и верный дружок."

Медведь хралит с присвистом, а лису давила тошнота: голодная была и прельщала ее осличья голова. Какая польза что позором покрылась, жизнь свою спасая, теперь, став только вором, еду достать могла она. И так, не долго размышляя, лишь злобной трусости полна, в медведя сторону взирая, из ослиной головы сосала мозг она...

Медведь проснулся... Кругом глядит. Голова нетронутой лежит, а в стороне сидит лиса и кости гложет. Он голову берет, о камень с маху ударяет. И... недоуменный дикий взор на друга устремляет.

"Лиса, а где же мозг осла? Иль ты его куда задела?"

"О нет! Он там, он там! ведь я все время на него смотрела. А! — все теперь я поняла: она и до тебя была до звонкости пуста!"

"Какая чушь! Постыдный вздор! Осел не мог жить без мозгов!"

"А если он имел мозжок, то не вернулся б вновь, дружок. Ну, не беда, еще найдем мы много-много без мозгов."

А. А. Г.

"Свобода без социализма — это привилегия, несправедливость, а социализм без свободы — это рабство и скотство." — М. А. Бакунин.

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

БЛОБЛИНГЕН, Германия. — Уважаемый и дорогой Власий Григорьевич! Сегодня воскресенье — день радости воскресшей после зимней полусмерти Природы. Сегодня и мое состояние здоровья немного улучшилось и я снова, видя яркое солнце, прекрасный, шумящий вершинами старый сосновый лес, молодых и веселых товарищей по службе, чувствуя, что Всевышний дает мне возможность еще немного пожить, еще немного принести пользы окружающим. Но, несмотря на радость сегодняшнего дня, меня гнетет страдание мне подобных.

Сегодня встретил на вокзале оборванного больного немца, возвращающегося из русского плена, куда попал он под Львовом в 1941 г. За 8 лет каторжных работ в Совоюзе он довольно бойко научился говорить по-русски. Он рассказывал об ужасах каторги, которую он вынес. Но более печально из его рассказов было то, что под Сталинградом, где он был на каторге, в заключении работали и русские полит-каторжники: когда немец-невольников ведут на работу, то каждого сто человек сопровождают два конвоира с одной собакой, а сто человек русских политкаторжан сопровождают 20 конвоиров с автоматами и 20 собаками; пухлые от голода, они идут под ударами плетей и укусами собак; умирают в пути и на работе, но количество их не уменьшается, т.к. ежедневно прибывают все новые пополнения. Кто же эти политкаторжане? Это те люди, которые не успели ударить от наступавших немцев, потому что они удирали пешком, а сталинская армия удирала на автомобилях. А так как они побывали на территории, занятой немцами, и были угнаны Гитлером на каторжные работы в Германию, то, по идеологии Кремля, они являлись политическими преступниками, или "военными преступниками", которые подлежат физическому уничтожению. Эти несчастные просили у немцев кусок хлеба, который давали им украдкой немцы.

Вчера зашла к нам женщина, лет 38, принесла корзинку апельсинов и предложила купить у нее несколько штук. Я невольно посмотрел на ее лицо в шрамах и седые волосы. Она продала нам десяток апельсинов и заработала 50 пфеннигов. Я предложил ей пообедать с нами, она долго боролась с самолюбием и голодом; наконец, я, жена и голод заставили ее сесть с нами за стол. Выяснилось, что она из Москвы. Работала где-то в госпитале на западе России. Когда вспыхнула война, она так же, как и многие другие, не успела в 1941 г. ударить от немцев. Тогда ей было 30 лет, а дочери 10 лет. Муж ее, командир батареи, был расстрелян Сталиным под Белой Церковью за то, что, будучи окружен с батареей, вырвался из немецкого окружения, но из шести орудий потерял два и свою собственную левую руку. Почему Сталин не дал ему ордена за храбрость, а уничтожил? Потому что он был в окружении у немцев, значит, "хотел", чтобы его окружили и "взяли в плен"; значит, "изменник родины" — расстрелять. Эти расстрелы делались исключительно для того, чтобы командиры не попадали в окружения, ибо в то время армия не хотела воевать и массами сдавалась.

Попая к немцам, эта женщина-врач была угнана с дочерью на каторгу в Германию, в Остарбайтерлагерь под Дрезден, где она 4,5 года работала уборщицей в бюро фабрики: она мыла тротуарт, полы и лестницы в 3-этажном здании, а дочь — бункеры

бомбоубежища. Кончилась война, пришли в Дрезден россияне-освободители. Расстреляв кучу "изменников родины", русских женщин и мужчин, работавших на паровозоремонтном заводе, они изнасиловали всех девушек в возрасте 14-20 лет, которых там было много. На глазах моей гостьи 8 пьяных красноармейцев изнасиловали в очередь русскую 16-летнюю девушку, после чего она умерла. Моя гостья схватила за руку свою 15-летнюю дочь и, пользуясь пьяной кровавой оргией, удрала в лес, а оттуда устремилась на запад. Но на третий день бегства их нагнал русский грузовик с красноармейцами. Остановились. Слезли с грузовика и схватили ее дочь с целью изнасилования. Но мать с непревзойденной отвагой выхватила дочь, повалила на землю, легла на нее и закрыла своим телом. Изверги долго били ее ногами и палками. Окровавленная мать, с исколотым телом, кровоточащими рваными ранами, полученными от ударов стволами карабинов, конвульсивно обняв дочь, облила ее своей кровью. Когда же раздался выстрел и пуля из карабина обожгла и пробила плечо матери, к неистовствующей группе советских извергов подбежал и остановился джип с тремя американцами, которые вступились за несчастных. Истекавшая кровью мать с полусумасшедшей дочерью, смоченной материнской кровью, были уложены в джип и доставлены в ближайший американский госпиталь. Теперь дочь работает прислугой у немки, а мать занимается "коммерцией" (осенью, зимой и весной), а летом, вставая в 3 часа утра, отправляется в лес, за 10-15 километров, собирать ягоды, которые на другой день она продает за гроши, чтобы уплатить за квартиру.

После обеда я пошел с ней в ИРО. Сама она боялась туда пойти, т.к. насильственная репатриация русских сильно пугала ее. В ИРО я нашел женщину-офицера, прекрасной души человека, и своим логичным английским языком рассказал ей все, что произошло с несчастной женщиной. Офицер обещал взять несчастных в лагерь ди-пи и заявил, что о насильственной репатриации не может быть и речи.

Если бы Бог дал мне силы и авторитет, чтобы я мог спасти всех несчастных и обездоленных Сталиным и его кликой, если бы просветились умы 200 миллионов подъяремных, чтобы они ринулись и уничтожили этот чудовищный режим, я был бы счастлив умереть в этот момент с сознанием, что нет уже этого ужаса-сталинизма.

Мне представляется большой хлев, где стоят сотни волов, привязанных за рога пятами-минной бичевкой к корытам. Эти волы могли бы не только разорвать бичевку, но, разом, упершись рогами в стены и надавив на них, могли бы развалить стены и уйти на волю. Но волы этого понять не могут и ежедневно подставляют под ярмо шею с кровавыми холками. Советский народ похож на этих волов. Террором и барабаном пропаганды он доведен до волевого отупения: люди, как волы, подставляют свои шеи под ярмо стахановщины. Разница лишь та, что народу можно разъяснить его недомыслие и научить, что нужно сделать, чтобы свергнуть сталинизм и обрести свободу.

Некоторые полагают, что сталинизм можно уничтожить наступлением извне, что на мой взгляд невозможно по той причине, что Сталин имеет океан территории, для оккупации и крепежа которой необходимы неисчислимые армии и десятилетия. Огромные же армии, утомленные 4-5 годами военных трудностей, легко поддаются разложению. Сталинизм нельзя уничтожить и изнутри, потому, что

обескровленный русский народ, опутанный сетью секретных агентов НКВД, не может организовать удар.

Как же можно уничтожить сталинизм? Нужно за железный занавес побольше бросать литературы, разжигая жизнь, условия труда, материальный уровень и свободу среднего человека в демократических странах и вскрывающей ложь ком-пропаганды, правдиво описывая стремление демократии. Нужно широко использовать радио, дать возможность выступать русским невозвращенцам, которые клеймятся сталинской печатью, чтобы их имена возбуждали доверие у русского народа, чающего освобождения. Нужно упорно вести борьбу против пятой колонны, развешивая ложь ее пропаганды и указывать на ужасы советского действительности, чтобы этим помочь ликвидировать очаги пятой колонны. Это большая и трудная работа, но ее надо делать, чтобы подготовить самоосвобождение народов России.

Все сказанное пишу я не потому, что Сталин отнял у меня родину, имущество, расстрелял брата и умертвил в ссылке его семью, все это мелочи, а потому, что опасность для всех велика: Сталин пятными колоннами взрывает и ложью пропаганды поджигает соседние страны.

БЛАГОДАРНОСТЬ ДЕТРОЙТЦАМ

Многоуважаемый редактор "Д.Т.П."

В № 28 "Д.Т.П." в отчете "помощь инвалиду," очевидно по скромности Вашей редакции, в первой строке напечатано: "на просьбу инвалида," а это не совсем так. Я обращался с просьбой только к благотворительным организациям, во главе которых стоят мои старые товарищи по оружию или братья по кресту и, как мне казалось, что эти господа обязаны были бы обратить внимание на мое поистине трагическое положение, но я ошибся и получил глубокое разочарование. Как видно, в указанных организациях сидят люди из тех господ офицеров, которые еще в 1918-20 гг. в войне с большевиками прятались за нашими спинами (при штабах, канцеляриях, обозах и т. д.), спасая свои жалкие душонки и капиталы, а при разгроме Добровольческой Армии, первые захватили все транспорты и удрали за границу, побросав на произвол судьбы сотни тысяч своих защитников, солдат и офицеров, в числе которых находилось много раненых. И вот, через тридцать лет, волею судьбы мне пришлось обратиться к моим старым друзьям, а они на десятки писем своего собрата, больного офицера, инвалида войны, не пожтели ответить, хотя я и умолял их именем Господа Бога прислать мне хотя бы и отрицательный ответ. Люди-ж Вашей организации (о существовании которых я не имел ни малейшего понятия), узнав о моем положении, сами предложили мне помощь, хотя им прекрасно было известно, что я для Вас чужой человек и не разделяю Ваших политических взглядов, при чем, это предложение было сделано так благородно, чтобы облегчить страдания своего соотечественника. И вот это Ваше бескорыстное сердечное участие в моей судьбе вернуло мне потерянную веру в человечность. Это нельзя не оценить и поэтому прошу Вас, уважаемый господин редактор, уделить в ДТП место для выражения моей сердечной благодарности русским-американцам, Детройтцам: инициатору сбора средств Ф. П. Коваленко, и жертвователям: В. Турашеву, А. Шевруку, К.

Муларевичу, И. П. Черному, А. Яцуку, И. Сивко, М. Н., П. Гаврилюку, С. Чернышеву, С. Савке, М. Нестюку, А. Шкилю, В. Василенко, А. Шевчуку, К. Полейко, Г. Шумовичу, К. Геруну, А. Балакисову, С. Кругелю, И. Бородавко, М. Лисаку, П. Чернявскому, Г. Колеснику, С. Смирнову, Вернову, Ф. Желвакову, Т. Яцуру, Дж. Тенвилу, М. М., Н. Басинкову, Е. Голдысу, Р. Кореню, С. Павлову, Г. Степанову, С. Грозовскому, Г. Талану, Н. Олейнику, Е. Ситеру, А. Коту, И. Кореню и людям 72 отдела РООВА.

Дорогие соотечественники: Дело не только в Вашей материальной помощи, для меня в тысячу раз дороже Ваше внимание и во время моего морального упадка — утешение. Вам, простым рабочим, наверное, не раз в Вашей жизни приходилось хлебнуть горькую чашу нужды и Вам понятно чужое несчастье, которое Вы и принимаете близко к сердцу и, еще до начала сбора средств, Вы уже стали выражать и посылать дружескую моральную поддержку. Это и сыграло решающую роль в моей судьбе. Сейчас я уже настолько оправился, что надобность в ортопедическом велосипеде миновала. Белые же господа и священно-служители лишены этого чувства христианской морали "о любви к ближнему." Они сами никогда не испытывали нужды, а сейчас, когда решительная схватка с большевиками неизбежна, указанные господа устроились в разных благотворительных и общественных учреждениях в надежде, что по примеру прошлых 1918-20 гг., опять заребать жар чужими руками, а пока что за счет несчастных беженцев составляют себе капиталы. Но ошибаетесь, милостивые господа, этот номер не пройдет. Теперь, в предстоящей борьбе с красной диктатурой, истинные борцы за свободу, должны стоять плечом к плечу против общего врага, независимо от партийных, расовых, или религиозных убеждений.

Урок христианской морали, который дает Вам, верующим христианам простой рабочий-безбожник, меня глубоко взволновал, мне стыдно за моих единоверцев, но Вы правы, г-н Коваленко: Вы отрицаете Божескую мораль и творите добрые дела во имя человеческой морали. Священники проповедуют Божескую мораль, а на деле творят беззаконие. Верующие христиане не могут отрицать, что милосердие неверующих стоит несравненно ближе к Господу Иисусу Христу, нежели бессердечные священнослужители.

Вам, господам редактор, и людям В/организации от всей души желаю всяческого благополучия, здоровья и сил. Дай Бог Вам многие лета в Вашей благородной деятельности, а за содеянное добро воздастся Вам сторицею.

Продолжайте Ваше великое дело не только на пользу многострадального русского народа, но и всего человечества.

За рабочую солидарность

А. С.

"Большинство русских людей ясно видят, что причина всех претерпеваемых ими бедствий — повиновение власти и что русским людям предстоит одно из двух: или отказаться быть разумными, свободными существами или перестать повиноваться правительству..." — Л. Н. Толстой.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

С.-ПАВЛО, Бразилия. — Здравствуйте дорогие товарищи! Сообщаю, что посланные вами книги получили, за которые сердечно благодарен. Книга "На Западном фронте без перемен" произвела на меня сильное впечатление, поскольку этот ужас воздушных бомбардировок я пережил сам, находясь в гор. Людвигсгафен в Германии. Оттуда нас немцы послали рыть окопы на линию Зигфрида в Лотарингии. Там мы работали под непрерывным огнем артиллерии и авиации. После каждой воздушной атаки среди нас было много убитых и раненых, т.к. нам не разрешалось вместе с немецкими солдатами прятаться в их бетонные бункера. Отсутствовала для нас и санитарная помощь. И все-же, когда огонь стихал, мы были недовольны. Мы знали, что если американцы будут бить сильнее, тем скорее для нас придет освобождение. В нашей группе было 800 человек из разных мест России, Украины, Белоруссии и Польши. Большинство из них отбывали на родине тюрьмы и концлагери. Один из них, Алеша Смоленский, рассказывал, как он был послан на рытье канала Волга-Москва, где арестованные при 20 градусном морозе работали по пояс в болотной воде, гибли от голода и холода. Другой, из Брест-Литовска, рассказывал нам, как он попал на два года на разработку леса в г. Комсомольск, в котором, при сильном морозе, полураздетые и голодные, в больших сугробах, они должны были строить себе бараки. В марте 1945 г. немцев разбили и война кончилась, но освобождения мы не видели. Советские репатриционные офицеры гонялись за нами, как гицели за собаками. От красного околыша на фуражке энквистиста мы приходили в большой ужас, чем от ураганного огня авиации на фронте... Война, конечно, для каждого человека — несчастье. Но есть войны освободительные. Народ российский, страдающий под ярмом Сталина, ожидает этой войны, так как на революцию в России никто и не надеется. На нее можно было надеяться при царях, когда на целую волюсть было всего один урядник. А теперь в каждом малом поселке есть полицейский участок, а сколько тайных полицейских! Там брат брата боится, там за одно слово человек достает 10 лет каторги. В России такой режим, что пройдет еще 30 лет и страна обезлюдеет. Где же справедливость, о которой так много пишут в Америке и в Европе?

Сейчас нахожусь в Сан-Паоло. Здесь много старых и новых эмигрантов. Старые эмигранты почти все коммунисты, есть среди них и баптисты, но и они не далеко отошли от первых. Слушают радио из Москвы и с охотой читают коммунистические газеты, а когда им предложишь почитать журнал "ДТП" или какую-либо книгу, они заявляют: "Мы верующие и не можем этого читать, кроме Евангелия." Одним словом, все они уверовали в Московского антихриста. Среди новой эмиграции встречаются монархисты, это люди пожилые, они разлагаются молодежь своими баснями о царе, которого они выставляют для будущей России, а как было в старой России при царе — умалчивают. Да наша теперешняя молодежь не очень-то прислушивается к ихним "песням" о батюшке-царе.

Журнал № 31 раздал и в другие штаты разослал, читают его записом, а один баптист, познакомившись с журналом, сказал: "Такая жизнь на земле может быть только тогда, когда Иисус Христос сойдет на землю." У монархистов есть такой редактор

Солоневич, выпускает он газету "Наша Страна," в которой расписывает "райскую" жизнь при царе, как, даже в ссылках, арестантам жилось хорошо, а про Сталина что-то мало пишет, наверно, доволен, что большевики истребляют народ России. Ведь, если бы монархисты сменили большевиков, то так же ссылали бы недовольных в концлагери. Сменить большевиков монархистами то же, что с человека кандалы снять, а цепи надеть. Да все равно, как бы они ни писали о царях-батюшках, никогда мертвый не встанет и старик не помолодеет. Точно также помрет и марксизм и капитализм. А займет их место анархизм, который уничтожит все границы и привилегии, который сравняет малых с великими, а не великих с малыми, т.е. бедных с богатыми, а не богатых с бедными. Тогда настанет братство, равенство и солидарность, как говорил Бакунин. Л.Ф.

ПАРИЖ, Франция. — Дорогие товарищи, прочла № 32 "ДТП." Как-то особенно больно, что нет статьи т. Максимова, его прощального приветствия... Номер составлен очень хорошо, говорит уму и сердцу человека. Автономов переключается с французскими товарищами из "Либертэр," что анархистам не по пути ни с американскими, ни с кремлевскими политиками. Но у Автономова есть и свое специфическое: он знает, что у большевиков нет ни одного хорошего слова, которого бы они не осквернили и не опоганили. Своей глубокой человечностью откликнулась в душе статья И. А. "Наша Работа."

Сегодня получила письмо от т. И. М. Л., которая пишет: "Всю неделю были заняты голодающими липарийцами. Добились телеграфного протеста, подписанного Камюсом и Андре Жидом, крупнейшими французскими писателями, и Леоном Блюмом, накануне его смерти... Наша телеграмма была напечатана в целом ряде газет, но этого мало. Завтра отдаем в печать Бюллетень, посвященный дипи. Из "Либертэр" узнала о смерти Максимова. Так-то идет жизнь." Зная горячее отношение "ДТП" к судьбе Ди-Пи, привела этот отрывок.

С тов. приветом А. Ш.

ТИММИНС, Канада. — Уважаемая редакция "ДТП." Посылаю 7 д.: 2 д. — подписка и 5 д. в издательский фонд журнала. ЗАК.

РОЧЕСТЕР, Н. И. — Дорогие товарищи, бывшая безвластная организация распалась: одни из ее членов пошли к большевикам, а другие записались в местный отдел РООВА. Несколько человек умерло. Из безвластников осталось двое, которые не встречались с тех пор, когда приехал к нам Г. П. Максимов читать лекции и доклады. Местные организации никакой культурной работой не занимаются: раз в месяц соберутся, заплатят свои членские взносы и это все, а потом подойдут до "бары" залить свое горе. Нет людей, с которыми можно было бы что-либо делать. Д. Р.

ЧИКАГО, Иллинойс. — Уважаемые "делотрудовцы." Посылаю денежный перевод на 2 д. в счет подписки на "ДТП." С. Репяха.

ХАРТФОРД, Конн. — Уважаемые товарищи, посылаю денежный перевод на 13 д., из коих 7 д. составляют выручку за проданные номера журнала, 3 д. в издательский фонд "ДТП" и 3 д. на помощь идейным товарищам. Ф. Воробьев.

ДЕТРОИТ, Мичиган. — Мы, члены 72 отдела РООВА, посылаем в фонд издания трудов покойного редактора журнала "ДТП," Г. П. Максимова, 8.50. Это лишь скромное начало, в будущем нам еще больше, ибо потребуются много средств на издание одной только книги Учения великого революционера Бакунина, определившего всякую власть, как насилие и порабощение.

Вспомним, что в царской России рабочим и крестьянам жилось плохо и правительство сажало в тюрьмы революционеров, борющихся с ним за землю и волю для трудящихся; даже Ленин пребывал в ссылке, где он писал статьи и книги, но в созданном Лениным социалистическом государстве никто не смеет высказать свою мысль. Следовательно, для трудового народа там нет никакой свободы, а одно государственное рабство, но большее раздолье для партийцев-опричников. Г. П. Максимов всю свою жизнь боролся против этого зла, против порабощения и угнетения, против диктатуры и власти вообще. Он разоблачал фальшивых спасителей трудовой России в лице белой эмиграции, стремящейся вернуть себе власть. Эти "спасители" создают разные лиги для борьбы с большевизмом и обещают создать федерацию народов России, когда они станут у кормила правления; они забывают, что федерации создаются путем свободных договоров союзов, коммун или групп. Поэтому, чтобы создать федерацию свободных народов России, надо что бы эти народы стали, действительно, свободными и самостоятельными.

В борьбе за власть Ленин перехитрил Керенского, плетясь в хвосте революционного движения народных масс и одабривая все их действия. Теперь народные массы, наученные горьким опытом, не пойдут на приманку reactionеров всех мастей. В революционной борьбе с рабовладельческим большевизмом они пойдут дальше: заводы и фабрики — рабочим, земля — крестьянам. За эти лозунги трудовой народ будет крепко стоять и победит буржуазиих и всяких иных паразитов-сладкопоевцев.

Покойный Григорий Петрович Максимов внес свою долю борьбы со всеми мракобесами и заслуживает того, чтобы его труды были опубликованы. Этим мы будем способствовать расширению в народе идеи безвластия.

Ровевен.

ОЛД ФОРДЖ, Пенн. — Уважаемая редакция, посылаю вам 5 д. в счет подписки и на поддержку журнала "ДТП," который обязан поддерживать всякий сознательный труженик, так как "ДТП" пробуждает русских тружеников от спячки, правильно освещает события и помогает внедрять идеалы свободы, равенства и братства. Он указывает путь к такому справедливому общественному порядку народного сожителства, при котором не будет ни угнетателей, ни угнетенных, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, путь к свободному обществу, без диктаторов и правителей. Товарищи, если мы хотим, чтобы журнал наш продолжал существовать и указывать правду рабочим, то мы должны прийти ему на помощь нашей материальной и моральной поддержкой.

Шахтер А. Х.

ХЕМПСТЕД, Н. И. — Дорогие товарищи дела труда, посылаю вам 5 д. на поддержку журнала "ДТП." Жалею, что не могу послать больше, т.к. 5 месяцев уже не работаю и сейчас лежу больной.

С тов. приветом И. Ка-ский.

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уважаемые товарищи,

посылаю денежный перевод на 19.50, которые образовались из следующих сумм: 2.50 вырублено за № 32 "ДТП," а 17 д. — пожертвования в издательский фонд журнала: К. Семенов — 2 д., А. Чиж — 5 д. и С. Медынич — 10 д.

М. С.

ДЕТРОИТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи, посылаю 125 д. в фонд "ДТП": М. О. К. — 100 д., М. Волынский — 10 д. и по 5 д. — К. Крутель, И. Черный и Г. Резанович из Канады. От имени Профсоюза выражаем нашу искреннюю признательность и сердечную благодарность всем жертвователям, а также и жене покойного нашего товарища и друга Л. Евзиков (Мамлина) за подаренные книги для нашей библиотеки.

После высылки 125 д. к нам зашел наш старый добрый друг, т. Гейдер, недавно потерявший любимую подругу жизни — жену Марию, и говорит: "Я прочитал в № 32 "ДТП" призывы о срочной помощи идейным ди-пи и подумал: какие анархисты могут смотреть равнодушно на страдание своих товарищей по идее? На помощь идейным ди-пи я даю 25 д." Затем т. Гейдер добавил: "Если нужна материальная поддержка идейным ди-пи, то она также нужна для нашего идейного органа "ДТП," как человеку нужна вода и воздух, поэтому жертвую в фонд журнала 10 д."

Члены Профсоюза выражают т. Гейдеру свое глубокое соболезнование по случаю смерти его жены Марии Гейдер и искреннюю благодарность за его жертвенность.

Профсоюз г. Детройта.

ЧИКАГО, Иллинойс. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 6 д., вырубленные от продажи № 32 "ДТП."

С тов. приветом И. Волков.

КЛИВЛАНД, Охайо. — Уважаемые товарищи, высылаю вам почтовым переводом 38.50, которые составились из следующих сумм: 4.50 за 6 экз. книги Николаева "Первый среди равных," 20 д. за проданные номера журнала и 14 д. пожертвования в фонд "ДТП": С. Б. и Л. Хрипливый — по 2 д.; Ф. Д. и А. Фещенко — по 5 д.

А. Громыко.

ГОНОЛУЛУ, Гавайи. — Уваж. "делотрудовцы," благодарю вас за присылку журнала, но, к сожалению, по болезни глаз не могу читать. Д. Таран.

ЧЕСТЕР, Пенн. — Уваж. товарищи, посылаю почтовый перевод на 5 д. в издательский фонд журнала "ДТП."

С.А.Г.

ЧИКАГО, Иллинойс. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежный перевод на 5 д.: 2 д. — подписка и 3 д. в фонд "ДТП."

И. К.—в.

МЭЙПЕЛВУД, Н. Дж. — Уважаемая редакция, я, как подписчик, получаю № 32 "ДТП," который читаю с большим интересом, и за каждый номер согласен платить по 1 д. Посылаю вам один доллар.

С приветом П. Бойко.

ДЕТРОИТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи! Посылаемые вам 40 д. составились из следующих поступлений: 28 д. — выручка от продажи журнала; 3 д. на помощь идейным ди-пи от А. Л., а 9 д. — пожертвования в издательский фонд "ДТП": С. Дмитрук — 5 д., И. Свиго и Соня Зубрина — по 2 д.

С тов. приветом Ф. Коваленко.

ВИННИПЕГ, Канада. — Уважаемые друзья, получаю № 32 журнала "ДТП," за который благодарю. Посылаю в фонд журнала 2 д.

О. Довгалюк.